

Часть вторая
РУКА БУРИ

ГЛАВА 14

Корона огня

Саймон сразу понял, что это сон, который начался самым обычным образом: он лежал на огромном сеновале Хейхолта, спрятавшись в щекочущей соломе и наблюдая за знакомыми фигурами Шема Конюха и кузнеца Рубена Медведя, о чем-то тихо беседовавших внизу. Рубен, чьи мощные руки блестели от пота, колотил молотом по раскаленной докрасна подкове.

Внезапно сон изменился: он больше не узнавал голоса Рубена и Шема, да и сами они стали совсем на себя не похожи. Теперь Саймон прекрасно слышал, о чем они разговаривали, молот кузнеца ударял по сияющему железу бесшумно.

— ... *Я же сделал все, что ты просил*, — неожиданно заявил Шем незнакомым хриплым голосом. — *Я привел к тебе короля Элиаса.*

— *Ты слишком много на себя берешь*, — ответил Рубен. Саймон никогда не слышал этого голоса — холодного и отстраненного, точно ветер на высоких горных перевалах. — *Ты ничего не знаешь о наших желаниях... о том, чего хочет Он.* — С самим кузнецом было что-то не так,

не только с его голосом: от него исходило нечто неправильное, словно черное бездонное озеро, скрытое под тонкой коркой льда.

Как Рубен мог казаться таким злым, даже во сне — добрый Рубен с его медленной речью?

На морщинистом лице Шема появилась радостная улыбка, но голос звучал напряженно.

— *Мне все равно,* — сказал Шем. — *Я сделаю все, что Он пожелает. А в ответ я прошу совсем немного.*

— *Ты просишь больше, чем любой другой смертный,* — ответил Рубен. — *Ты не только осмелился призвать Красную руку, ты безрассудно требуешь одолжений.* — Его голос был холодным и равнодушным, как могильная земля. — *Ты даже не понимаешь, о чем просишь. Ты ребенок, священник, и хватаешься за блестящие вещи, потому что они кажутся тебе красивыми. Но ты ведь можешь пораниться обо что-то острое и умереть от кровотечения.*

— *Мне все равно.* — Шем говорил с упрямством безумца. — *Мне все равно. Научи меня Словам Изменения. Темный мне должен... он обязан...*

Рубен закинул голову назад и дико расхохотался.

— *Обязан?* — выдохнул он, его веселье производило ужасающее впечатление. — *Наши хозяин? Тебе?* — Он снова рассмеялся. Неожиданно кожа кузнеца начала покрываться волдырями. Облачка дыма поднимались вверх по мере того, как сгорала плоть Рубена, постепенно открывая ядро пульсирующего пламени, так меняется красный цвет догорающих углей под порывами ветра. — *Ты доживешь до Его окончательного триумфа. Это уже само по себе награда, о которой не могут мечтать смертные!*

— *Пожалуйста!* — Рубен продолжал пылать, а Шем начал съезживаться, точно маленький сожженный перга-

Часть вторая. РУКА БУРИ

мент серого цвета. Его крошечная рука метнулась в сторону и рассыпалась в прах. — *Пожалуйста, бессмертный, пожалуйста.* — Его голос стал странно легким, полным лукавства. — *Больше я ни о чем не попрошу — и не стану более говорить о Темном. Прости смертного глуща. Научи меня Слову!*

Теперь на том месте, где стоял Рубен, горело живое пламя.

— *Хорошо, священник. Быть может, нет особого риска в том, чтобы дать тебе опасную, но последнюю игрушку. Властелин Всего очень скоро вернет себе мир — ты не сможешь сделать ничего такого, чего он не сумел бы себе вернуть. Хорошо. Я научу тебя Слову, но боль будет велика. За всякое Изменение следует платить.* — И вновь в его неземном голосе послышался смех. — *Ты будешь кричать...*

— *Мне все равно!* — ответил Шем, и его пепел погрузился в темноту, как и вся кузница, а потом и сеновал. — *Мне все равно! Я должен знать!..* — Наконец даже сияющее существо, бывшее Рубеном, стало лишь яркой точкой во мгле... звездой...

Саймон проснулся, задыхаясь, как тонущий человек, сердце отчаянно колотилось у него в груди, а над головой сияла единственная звезда, которая заглядывала в дыру, что находилась в верхней части их убежища, точно сине-белый глаз. Саймон вскрикнул.

Бинабик, который не совсем проснулся, поднял голову с мохнатой шеи Кантаки.

— *Что-то случилось, Саймон?* — спросил он. — *Тебе приснился пугающий сон?*

Саймон покачал головой. Прилив страха слабел, но он не сомневался, что это не обычные ночные фантазии. У него возникло ощущение, что разговор проходил

где-то рядом и его спящий разум ловко впледел его в свой сон — реальное событие, с ним случалось такое множество раз. Станным и пугающим был лишь один факт: Слудиг храпел, а Бинабик явно только что проснулся.

— Так, ерунда, — ответил Саймон, стараясь, чтобы его голос звучал ровно.

Он осторожно пробрался к передней части навеса, ощущая синяки, оставшиеся после вечерней тренировки со Слудигом, и выглянул наружу. У первой звезды теперь появилась многочисленная компания — россыпь крошечных белых светлячков, разбросанных по всему ночному небу. Быстрый ветер унес тучи, ночь выдалась ясной и холодной, и со всех сторон их окружали просторы Белой Пустоши. И нигде в свете луны цвета слоновой кости он не видел живых существ.

Значит, это всего лишь сон о том, как старый Конюх Шем мог бы разговаривать с Рубеном Медведем хриплым голосом Прайрата, а Рубен Медведь говорил погребальным голосом пустоты на живой земле Господа...

— Саймон? — сонно спросил Бинабик. — Ты?..

Саймон был напуган, но раз уж он стал мужчиной, ему не следовало обращаться за помощью всякий раз, когда ему снился плохой сон.

— Ничего страшного. — Саймон, дрожа, забрался под свой плащ. — Я в порядке.

«Но их разговор казался таким реальным. — Ветки их хрупкого убежища заскрипели под порывами ветра. — По-настоящему реальным. Словно они беседовали у меня в голове...»

Следуя обрывкам послания, которое принес серебристый воробей, они пустились в путь с рассветом, стараясь опередить приближавшуюся бурю. Тренировки Саймона

Часть вторая. РУКА БУРИ

со Слудигом теперь проходили после заката, в свете костра, у него совсем не оставалось времени побыть одному до того момента, как его сморит сон, а уставшее тело начало просить покоя. Так продолжалось в течение всех следующих дней, снова и снова: бесконечные холмистые поля, покрытые снегом, темные контуры низкорослых деревьев, упрямый ветер, вызывавший онемение. Саймон радовался, что его борода становилась все гуще: без нее, часто думал он, ветер сорвал бы с него кожу до самых костей.

Складывалось впечатление, что ветер уже разровнял лицо земли, почти не оставив ничего заметного или запоминающегося. Если бы не постоянно расширявшаяся линия леса на горизонте, он мог бы подумать, что каждое утро они просыпаются в одном и том же холодном открытом месте. С грустью вспоминая свою теплую постель в Хейхолте, Саймон решил, что, даже если сам Король Бурь перебрался в замок вместе со своими многочисленными, как снежинки, приспешниками, он мог бы счастливо жить в комнате для слуг. Саймон отчаянно хотел вернуться домой и был близок к тому, чтобы согласиться на матрас в аду, если дьявол одолжит ему подушку.

Шли дни, буря продолжала расти у них за спиной, и черная колонна угрожающе росла на северо-западном небе. Огромные руки туч цеплялись за небесный свод, словно ветви огромного дерева. Между ними мерцали молнии.

— Она двигается не слишком быстро, — однажды заметил Саймон, когда они поглощали скромную полуденную трапезу.

Его голос дрожал, и ему это совсем не понравилось.

Бинабик кивнул.

— Она растет, но распространяется медленно, — согласился тролль. — За это нам следует благодарить бо-

гов. — На его лице появилось неожиданно безнадежное выражение. — Чем медленнее она движется, тем дальше находится не над нами — но когда она до нас доберется, то принесет с собой тьму, которая не уйдет, как бывает с обычными бурями.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Саймон, у которого заметно дрожал голос.

— Это не просто буря со снегом и дождем, — осторожно заговорил Бинабик. — Мне кажется, ее задача состоит в том, чтобы приносить с собой страх. Она взяла свое начало в Стормспайке и выглядит, как нечто противоестественное. — Он с извиняющимся видом развел руки в стороны. — Буря приближается, но, как ты сказал, не слишком быстро.

— Мне известно о таких вещах, — вмешался Слудиг, — но, должен признаться, я очень рад, что мы скоро покинем Пустоши. — Он посмотрел на юг и прищурился. — Через два дня мы доберемся до Альдхорта. Там у нас появится надежда найти защиту.

Бинабик вздохнул.

— Надеюсь, ты прав, но я боюсь, что для защиты нам потребуется кое-что побольше, чем лесные деревья или крыша.

— Ты имеешь в виду мечи? — тихо спросил Саймон.

Троль пожал плечами.

— Может быть. Если мы найдем все три, возможно, зиму можно будет держать на расстоянии копья — или даже оттолкнуть еще дальше. Но сначала мы должны попасть туда, куда нас отправила Джелой. В противном случае нам останется лишь тревожиться о вещах, которые неспособны изменить, а это глупость. — Он вымученно улыбнулся. — «Когда ты лишаешься зубов, — так говорят кануки, — научись любить кашу».

Часть вторая. РУКА БУРИ

На следующее утро, седьмое в Пустошах, выдалась ужасная погода. Хотя буря на севере все еще оставалась чернильным пятном на далеком горизонте, стальные серые тучи с изорванными поднявшимся ветром краями собрались у них над головами. К полудню, когда солнце исчезло за темной пеленой, начался снегопад.

— Это ужасно, — закричал Саймон, прищурившись, чтобы защитить глаза от ледяного дождя. Несмотря на толстые кожаные перчатки, пальцы у него быстро онемели. — Мы же ничего не видим! Может, нам лучше остановиться и попытаться сделать какое-то укрытие?

Бинабик, маленькая, покрытая снегом тень на спине у Кантаки, повернулся и прокричал в ответ:

— Если мы пройдем еще немного, то окажемся на перекрестке дорог!

— На перекрестке! — воскликнул Слудиг. — Посреди пустынной местности?!

— Подъезжайте ближе, я объясню.

Слудиг и Саймон направили лошадей к продолжавшей идти вперед волчице. Бинабик поднес ладонь ко рту, но ветер все равно норовил унести его слова прочь.

— Я думаю, что где-то недалеко отсюда Старая дорога Тумет'ай встречается с Белым трактом, который начинается у северной границы леса. На перекрестке может находиться убежище, в любом случае ближе к лесу деревья там будут расти гуще. Давайте проедем еще немного. Если мы ничего не найдем, то просто разобьем лагерь.

— Но только если мы остановимся задолго до наступления темноты, тролль, — проревел Слудиг. — Ты умен, но этого может не хватить, чтобы разбить нормальный лагерь во время выюги. После того безумия, что мне довелось пережить и повидать, я совсем не хочу умереть в снегу, как заблудившаяся корова!

Саймон промолчал, сохраняя силы для того, чтобы полнее оценить ужас их положения. Эйдон, как здесь холодно! Неужели снег никогда не перестанет идти?

Они ехали дальше, а промозглый ледяной день продолжался. Кобыла Саймона еле брела, с трудом преодолевая свежие сугробы. Саймон наклонил голову поближе к гриве, пытаясь хоть как-то защититься от ветра. Мир казался бесформенным и белым, точно он находился в бочке с мукой, и лишь немногим более подходящим для жизни.

Солнце стало почти невидимым, но даже и оно быстро тускнело. Однако Бинабик, казалось, не собирался останавливаться. Когда они проезжали мимо еще одной не слишком привлекательной группы елей, Саймон больше не мог сдерживаться.

— Я замерзаю, Бинабик! — сердито начал он, стараясь перекричать ветер. — И становится темно! Мы миновали еще одну небольшую рощу и продолжаем ехать дальше. Ночь уже почти наступила! Клянусь Деревом, я дальше не поеду!

— Саймон... — прокричал Бинабик, пытаясь его успокоить.

— Там что-то на дороге! — хрипло проревел Слудиг. — *Ваэр!* Что-то впереди! Троль!

Бинабик прищурился.

— Этого не может быть, — возмущенно прокричал он в ответ. — Ни один канук не будет настолько глуп, чтобы разгуливать в одиночку в такую погоду!

Саймон взглядывался в тусклую серую мглу впереди.

— Я ничего не вижу.

— Как и я. — Бинабик стряхнул снег с капюшона.

— Я что-то видел, — прорычал Слудиг. — Возможно, снег слепит меня, но я не безумен.

Часть вторая. РУКА БУРИ

— Скорее всего, это животное, — сказал тролль. — Или, если нас покинула удача, разведчик копателей. Быть может, пришло время разбить лагерь и развести костер, как ты говорил, Саймон. Впереди я вижу деревья, которые станут для нас неплохим убежищем. Вон там, за холмом.

Спутники выбрали самое защищенное место из всех, что смогли найти. Саймон и Слудиг укладывали ветки между стволами, чтобы создать какую-то защиту от ветра, а Бинабик при помощи желтого огненного порошка сумел развести костер из влажного валежника и начал кипятить воду для бульона. Погода была настолько отвратительной и холодной, что после того, как они поели водянистого супа, все трое завернулись в плащи и, дрожа, улеглись. Ветер ревел так громко, что им приходилось кричать. Несмотря на близость друзей, Саймон оставался наедине с мрачными мыслями, пока не пришел сон.

Саймона разбудило жаркое дыхание Кантаки у лица. Волчица скулила и толкала его мощной головой, заставив перевернуться. Он сел, моргая под слабыми лучами утреннего солнца, с трудом пробивавшимися сквозь кроны деревьев. Вокруг наваленных ими веток вздымались сугробы — импровизированная стена защищала от ветра, и дым от костра Бинабика почти свободно поднимался вверх.

— Доброе утро, друг Саймон, — сказал Бинабик. — Мы пережили бурю.

Саймон аккуратно отодвинул в сторону голову Кантаки, волчица разочарованно фыркнула и отступила. На ее шерсти виднелись красные следы.

— Она чем-то встревожена все утро, — рассмеялся Бинабик. — Я думаю, что в снегу немало замерзших белок и птиц, упавших с деревьев, и она неплохо подкрепилась.

— А где Слудиг?

— Он пошел проверить лошадей. — Бинабик занялся костром. — Я убедил его отвести их вниз по склону холма, чтобы они не наступили на наш завтрак или тебе на лицо. — Он поднял миску. — Здесь остатки бульона. Сушеное мясо почти закончилось, так что советую насладиться тем, что у нас есть. Наши трапезы будут скудными, если мы станем рассчитывать только на охоту.

Саймон содрогнулся и вытер снегом лицо.

— Но разве мы не доберемся до леса в самом скором времени?

Бинабик терпеливо еще раз протянул ему миску.

— Все верно, но мы пойдем вдоль него и не станем углубляться в чащу. Конечно, это кружной путь, но он займет меньше времени, ведь так нам не придется продирааться сквозь подлесок. Кроме того, едва ли мы найдем там много животных, которые не спят этим холодным летом в своих берлогах и гнездах. Вот почему, если ты не забереешь у меня бульон, я его выпью сам. Я, как и ты, не хочу умереть от голода, к тому же у меня больше здравого смысла.

— Извини. И спасибо тебе. — Саймон наклонился над миской, наслаждаясь запахом бульона перед тем, как его выпить.

— Ты можешь вымыть миску, когда закончишь, — фыркнул Бинабик. — Хорошая миска — это роскошь во время такого опасного путешествия.

Саймон улыбнулся.

— Ты говоришь, как Рейчел Дракониша, — заметил он.

— Я не встречал Драконишу Рейчел, — сказал Бинабик, вставая и отряхивая снег со штанов, — но если она о тебе заботилась, то наверняка отличалась невероятным терпением и добротой.

Саймон фыркнул.

Часть вторая. РУКА БУРИ

Время близилось к полудню, когда они вышли на перекресток дорог. Над замерзшей землей выступал лишь высокий камень, похожий на костлявый палец. Серо-зеленый лишайник, казалось, неподвластный холоду, мрачно жался к нему.

— Старая дорога Тумет'ай идет через лес. — Бинабик указал на едва различимую тропу, оставшуюся от дороги, которая, петляя, уходила в сторону елей. — Из-за того что ее, как мне кажется, почти перестали использовать, весьма вероятно, что она заросла, поэтому нам лучше идти по Белому тракту. Возможно, там мы найдем пустые жилища, а в них какие-то припасы.

Белый тракт оказался более новой дорогой, чем древняя Тумет'ай. Здесь даже попадались недавние следы людей — сломанный и ржавый обод колеса, болтавшийся на придорожной ветке, куда его забросил разозленный владелец фургона; заостренная спица и колышек для палатки; круг потемневших от огня камней, наполовину присыпанных снегом.

— Кто здесь живет? И куда ведет дорога? — спросил Саймон.

— Когда-то к востоку от монастыря Святого Скенди было несколько поселений, — ответил Слудиг. — Помнишь Скенди — засыпанное снегом место, которое мы миновали по пути на драконью гору? Там даже находилось несколько городов — Совебек, Гринсэби и еще парочка, насколько я помню. Кроме того, я думаю, что сто лет назад люди путешествовали вдоль огромного леса, когда направлялись на север от тритингов, так что тут должны быть постоянные дворы.

— Век назад, — заговорил Бинабик, — по этой части мира много путешествовали. Мы, кануки, — ну, некоторые из нас — летом отправлялись дальше на юг, иногда

даже добирались до границ нижних земель. Кроме того, повсюду можно было встретить странствующих ситхи. Лишь в последние печальные годы эти земли опустели.

— Да, здесь никого нет, — сказал Саймон. — Очень похоже, что тут просто невозможно жить.

Они ехали по извивавшейся дороге в течение всего короткого дня, постепенно деревьев становилось все больше, и скоро они уже двигались вдоль границы леса. Местами деревья так сильно приближались к дороге, что спутникам казалось, будто они вошли в Альдхорт, хотели они того или нет. Наконец они добрались до еще одного вертикального камня, одиноко стоявшего на обочине, но перекрестка им обнаружить не удалось. Слудиг спешился, чтобы внимательно осмотреть камень.

— Здесь руны, но они едва видны и сильно пострадали от ветра и погоды. — Он почистил камень от снега. — Похоже, тут говорится, что Гринсэби где-то рядом. — Он поднял голову и улыбнулся в замерзшую бороду. — Место, где можно найти несколько крыш, пусть ничего больше. Приятные перемены. — И Слудиг пружинисто вскочил в седло.

У Саймона также улучшилось настроение. Даже заброшенный город много лучше бесконечных холодных пустошей.

Он вдруг вспомнил слова песни Бинабика. *Вы скрылись в холодных тенях...* И неожиданно остро ощутил одиночество. Может быть, город не окажется заброшенным. Может быть, там есть постоянные дворы с камином и едой...

Пока Саймон мечтал об удобствах цивилизации, солнце окончательно исчезло за лесом, поднялся ветер и спустился северный сумрак.

Часть вторая. РУКА БУРИ

Небо еще не потемнело, однако снег стал синим и серым, и тени сгущались, как на ткани, опущенной в чернила. Саймон и его спутники уже собрались остановиться и разбить лагерь и громко это обсуждали под монотонный шум ветра, когда перед ними появились первые строения Гринсэби.

Казалось, они твердо решили развеять самые скромные надежды Саймона, крыши брошенных домов провалились под тяжестью снега, за загонами и садами уже давно никто не ухаживал, повсюду виднелись доходявшие до колен сугробы. Саймон видел так много опустевших городов в северной части страны, что не мог поверить, что во Фростмарше и Пустошах когда-то жили люди, как и в зеленых полях Эркинланда. Он скучал по родному городу, по знакомым местам и привычной погоде. Или теперь зима овладела всей страной?

Они ехали вперед, постепенно пустых домов по обе стороны дороги, которую Бинабик называл Белый тракт, становилось все больше. В некоторых даже сохранились следы обитателей: ржавый топор со сгнившей рукоятью возле чурбана для рубки дров перед засыпанной снегом входной дверью; метла, торчавшая из сугроба на обочине, точно флаг или хвост замерзшего животного, — но в основном жилища оставались пустыми и заброшенными, голыми, точно черепа.

— Где мы остановимся? — спросил Слудиг. — Боюсь, мы так и не найдем подходящей крыши.

— Вполне возможно, — ответил Бинабик, — нам стоит попытаться отыскать надежные стены.

Он собрался что-то добавить, но Саймон дернул его за рукав.

— Смотри! *Это* тролль! Слудиг был прав! — Саймон указал в сторону от дороги, где неподвижно стояла небольшая фигурка — и ветер трепал ее плащ.

Последние лучи солнца нашли щель в кронах деревьев за Гринсэби и осветили незнакомца.

— Я тоже его вижу, — сварливо проворчал Бинабик, с опаской смотревший на незнакомца. — Но это не тролль!

Фигурка в тонком плаще с капюшоном, замершая у дороги, была совсем маленькой. Голая голубоватая кожа виднелась там, где короткие штаны не доходили до голеней сапог.

— Это маленький мальчик. — После такого уточнения Саймон направил свою лошадь к обочине дороги. Его спутники последовали за ним. — Должно быть, он замерз насмерть!

Когда они подъехали к ребенку, он поднял голову, и снежинки блеснули на темных волосах и ресницах. Он увидел приближавшихся всадников, повернулся и побежал.

— Стой! — позвал Саймон. — Мы не причиним тебе вреда.

— *Халад, кюнде!* — крикнул Слудиг. Убегавший от них ребенок остановился и обернулся. Слудиг приблизился к нему на несколько локтей, потом спрыгнул в снег и неспешно пошел в его сторону. — *Виер соммен марровен,* — продолжал он, протягивая руку.

Мальчик с подозрением смотрел на него, но больше не пытался бежать. Казалось, ребенку не больше семи или восьми лет, и он был худым, как маслбойка, если судить по тем частям тела, которые оставались на виду. В руках он держал горсть желудей.

— Мне холодно, — сказал мальчик на хорошем вестерлинге.

Часть вторая. РУКА БУРИ

Слудиг выглядел удивленным, но улыбнулся и кивнул.

— Тогда пойдём с нами, парень. — Он осторожно взял у ребенка желуди, высыпал их в карман плаща, а потом взял на руки мальчика, который не пытался сопротивляться. — Все будет хорошо. Мы тебе поможем. — Риммер посадил ребенка в седло перед собой и накиннул на него свой плащ, — так что возникло впечатление, будто голова мальчика растет прямо из увеличившегося живота риммера. — Теперь мы можем найти место для лагеря? — прорычал Слудиг.

Бинабик кивнул.

— Конечно.

Он направил Кантаку вперед, мальчик смотрел на волчицу широко раскрытыми глазами, в которых не было страха. Саймон и Слудиг последовали за троллем. Снег стал быстро заполнять углубление, где стоял мальчик.

Когда они ехали через пустой город, Слудиг вытащил мех с кангкангом и дал мальчику из него глотнуть, тот закашлялся, но горький напиток кануков, казалось, нисколько его не удивил. Саймон решил, что мальчик старше, чем ему показалось вначале: его движения были точными и довольно уверенными, едва ли ребенок мог так себя вести. Должно быть, он производил такое впечатление из-за хрупкого телосложения и больших глаз.

— Как тебя зовут, парень? — наконец спросил Слудиг.

Мальчик спокойно посмотрел на риммера.

— Врен, — ответил он после паузы со странным акцентом и потянул к себе мех с кангкангом, но Слудиг покачал головой и убрал его в седельную сумку.

— Друг? — недоуменно спросил Саймон.

— Врен. Так он, кажется, сказал, — уточнил Бинабик. — Это имя хирка.

— Посмотрите на его черные волосы, — сказал Слудиг. — И на цвет кожи — либо он хирка, либо я не риммер. Но что он здесь делал в снегу?

Хирка, Саймон знал, были независимым народом, умевшим хорошо обращаться с лошадьми, а также они преуспевали в разных играх, в которых другие люди проигрывали деньги. Он не раз их встречал на большом рынке Эрчестера.

— Неужели хирка живут в Белых Пустошах?

Слудиг нахмурился.

— Я никогда не слышал ничего подобного — но в последнее время мне довелось видеть такие вещи, в которые в Элвритсхолле никто бы не поверил. Я думал, что они обычно живут в городах или лугах, вместе с тритингами.

Бинабик наклонился и погладил мальчика по руке.

— Да, так меня учили, — согласился тролль, — и маленькой рукой погладил мальчика по плечу. — Хотя говорят, что хирка живут и за Пустошью, в восточных степях.

Они проехали еще немного, и Слудиг спешил, чтобы попытаться отыскать следы обитания людей. Риммер вернулся, покачал головой и подошел к Врену. Карие глаза ребенка не моргая на него смотрели.

— Где ты живешь? — спросил риммер.

— Со Скоди, — последовал ответ.

— Это рядом? — спросил Бинабик. Мальчик пожал плечами. — А где твои родители? — Мальчик снова пожал плечами.

Тролль повернулся к своим спутникам.

— Возможно, Скоди — это имя его матери. Или название другого города, рядом с Гринсэби. Может быть, он отбил от каравана фургонов — хотя по этим дорогам, я уверен, и в лучшие времена ездили редко. Но как он

Часть вторая. РУКА БУРИ

мог выжить в такую жестокую зиму?.. — Бинабик пожал плечами, странным образом напомнив мальчика.

— Он останется с нами? — спросил Саймон.

Слудиг фыркнул, но промолчал, и Саймон сердито повернулся к риммеру.

— Мы не можем оставить его тут умирать!

Бинабик успокаивающе поднял палец.

— Нет, тебе не следует об этом беспокоиться, — сказал он. — В любом случае должны же быть другие люди, с которыми живет Врен.

Слудиг встал.

— Троль прав: здесь должны быть люди. В любом случае глупо брать ребенка с собой.

— Ну, кое-кто говорил такие же слова о Саймоне, — спокойно ответил Бинабик. — Но я согласен с твоим первым утверждением. Давайте найдем его дом.

— А пока он может ехать со мной, — сказал Саймон.

Слудиг сделал недовольную гримасу, но передал ему ребенка, который и не думал сопротивляться. Саймон накрыл Врена своим плащом, как это делал Слудиг.

— Сейчас тебе лучше поспать, Врен, — прошептал Саймон, прислушиваясь к стонам ветра среди развалин домов. — Теперь ты с друзьями. Мы отвезем тебя домой.

Мальчик посмотрел на него невероятно серьезно, словно незначительное духовное лицо на религиозной церемонии. Маленькая рука выскользнула из-под куртки и похлопала Искательницу по спине. Хрупкое тело Врена прижималось к груди Саймона, который одной рукой держал поводья, а другой обнимал мальчика. Он чувствовал себя очень старым и очень ответственным.

«Стану ли я когда-нибудь отцом? — подумал он, когда они ехали сквозь стужавшиеся сумерки. — Будут ли

у меня сыновья? — Он еще немного подумал. — Или дочери?

Все люди, которых он знал, казалось, потеряли своих отцов: Бинабик во время схода снежной лавины, принц Джошуа уже взрослым, отец Джереми, ученика свечного мастера, умер из-за легочной лихорадки; да и можно считать, что отец принцессы Мириамель мертв. Потом Саймон подумал о собственном отце, который утонул еще до его рождения. Неужели все отцы похожи на котов и собак — бросают своих детей вскоре после рождения?

— Слудиг? — позвал он. — А у тебя есть отец?

Риммер повернулся, и на его лице появилось раздраженное выражение.

— Что ты хочешь этим сказать? — поинтересовался он.

— Ну, я имел в виду, жив ли он?

— Насколько я знаю, жив, — фыркнул риммер. — Но мне все равно. Если старый дьявол попадет в ад, я переживать не стану. — Он отвернулся и стал смотреть на покрытую снегом дорогу.

«Я не стану таким отцом, — решил Саймон, прижимая к себе ребенка немного сильнее. Врен беспокойно зашевелился под плащом Саймона. — Я останусь со своим сыном. У нас будет дом, и я никуда не уйду».

А кто станет матерью? Перед его мысленным взором прошла серия случайных образов, таявших, как снежинки: далекая Мириамель на балконе в башне, горничная Хепзиба, сердитая Рейчел и леди Воршева с гневным взглядом. И где будет его дом? Он оглядел бесконечные белые просторы Пустоши и приближавшийся темный Альдхорт. Как можно рассчитывать оставаться в одном месте в этом безумном мире? Обещать такое ребенку бу-

Часть вторая. РУКА БУРИ

дет ложью. Дом? Ему повезет, если сегодня ночью он найдет место, где можно будет укрыться от ветра.

Его горький смех заставил Врена зашевелиться, и Саймон поплотнее запахнул плащ.

Они добрались до восточной окраины Гринсэби, но так и не встретили ни одной живой души. Как, впрочем, и следов недавнего обитания людей. Они расспрашивали Врена, но не смогли получить от него никаких сведений, кроме имени «Скоди».

— Значит, Скоди твой отец? — спросил Саймон,

— Это женское имя, — вмешался Слудиг. — Женское имя у риммеров.

Саймон предпринял новую попытку.

— Скоди — это твоя мать?

Мальчик покачал головой.

— Я живу со Скоди, — сказал он, и его слова прозвучали вполне отчетливо, если не считать странного акцента, и Саймон снова подумал, что мальчик старше, чем они решили сначала.

Среди невысоких холмов возле Белого тракта оставалось еще несколько заброшенных селений, но теперь они попадались все реже и реже. Наступила ночь, заполнившая чернильным мраком пространства между деревьями. Маленький отряд ехал очень долго — время ужина давно миновало, по мнению Саймона. Темнота сделала дальнейшие поиски бессмысленными, и Бинабик уже собрался зажечь смолистую сосновую ветку в качестве факела, когда Саймон увидел в лесу, на некотором расстоянии от дороги, свет.

— Посмотрите туда! — воскликнул он. — Я думаю, это огонь! — Далекие деревья под белым одеялом, казалось, испускали красное сияние.

— Дом Скоди! Дом Скоди! — сказал мальчик, подпрыгивая так высоко, что Саймон с трудом его удерживал. — Она будет счастлива!

Отряд остановился, и они некоторое время наблюдали за мерцавшим светом.

— Мы поедem туда осторожно, — сказал Слудиг, — сжимая и разжимая пальцы на древке копья кануков. Уж очень это странное место для жизни. У нас нет никакой уверенности, что те, кто там живет, окажутся дружелюбными.

От слов Слудига у Саймона по спине пробежал холодок. Если бы только он мог полагаться на Шип и носить его на боку! Саймон сжал рукоять костяного ножа и почувствовал себя немного увереннее.

— Я поеду вперед, — сказал Бинабик. — Я маленький, а Кантака передвигается бесшумно. Нам нужно выяснить, кто там живет.

Он пробормотал какое-то слово, волчица тут же сошла с дороги и скользнула в длинные тени, и ее хвост метался из стороны в сторону, точно облачко дыма на ветру.

Прошло несколько минут, Саймон и Слудиг медленно и молча ехали вдоль заснеженной обочины, вглядываясь в теплый свет, мерцавший в ветвях деревьев, и Саймон вдруг задремал, когда внезапно появился тролль. Кантака широко ухмылялась, красный язык вывалился изо рта.

— Я думаю, это старое аббатство, — сообщил Бинабик, чье лицо почти полностью скрывал капюшон. — Во дворе перед домом горит костер, вокруг него несколько человек, все они похожи на детей. Я не увидел лошадей и не обнаружил никаких следов засады.

Они медленно поднимались к вершине по склону невысокого холма. Посреди поляны, окруженной дере-

Часть вторая. РУКА БУРИ

вьями, горел костер, вокруг него танцевали маленькие фигурки. За ними возвышались окрашенные красным каменные стены аббатства с потрескавшейся штукатуркой. Старое здание сильно пострадало от капризов погоды: длинная крыша провалилась в нескольких местах, а в зияющие дыры заглядывали звезды. Многие из росших вокруг деревьев просунули ветки прямо в маленькие окна, словно пытались спрятаться от холода.

Путники остались сидеть в седлах, наблюдая за происходящим. Врен выскользнул из-под руки Саймона и спрыгнул с седла в снег. Он стоял, раскачиваясь, как собака, а потом побежал по склону к костру. Часть маленьких фигурок обернулась к нему с радостными криками. Врен немного постоял среди них, возбужденно размахивая руками, а потом скользнул в дверь аббатства и исчез в мягком сиянии.

Прошло несколько долгих мгновений, но никто не вышел, и Саймон вопросительно посмотрел на Бинабика и Слудига.

— Не вызывает сомнений, что это его дом, — сказал Бинабик.

— Быть может, нам нужно ехать дальше? — спросил Саймон, надеясь, что его спутники станут возражать.

Слудиг окинул Саймона взглядом и фыркнул.

— Будет глупо упустить шанс провести ночь в тепле, — неохотно ответил риммер. — И мы все равно собирались разбить лагерь. Но нам не следует говорить о том, кто мы такие и каковы наши цели. Мы солдаты, сбежавшие из гарнизона в Скогги, если нас начнут спрашивать.

Бинабик улыбнулся.

— Я одобряю твою логику, пусть меня и трудно признать за воина-риммера. Давайте войдем и посмотрим на дом Врена.

Они въехали в лощину. Маленькие фигурки, всего около полудюжины, возобновили танцы и игры, но, когда Саймон и остальные приблизились, остановились и смолкли. Бинабик оказался прав, это были дети, одетые в тряпье.

Все глаза обратились к вновь прибывшим, и Саймон почувствовал, что его внимательно изучают. Возраст детей колебался от трех или четырех лет, до возраста Врена или немногим старше, и все выглядели по-разному. Среди них была девочка с черными волосами и темными глазами, как у Врена, но двое или трое детей с такими светлыми волосами, что они никак не могли быть риммерами. Все настороженно смотрели на незваных гостей. Когда Саймон и его спутники спешили, все головы повернулись, чтобы посмотреть на них. Все дети молчали.

— Привет, — сказал Саймон. Ближайший к нему мальчик угрюмо смотрел на него, а на его лице плясали отблески огня. — Твоя мать здесь? — Мальчик по-прежнему молча не сводил с Саймона глаз.

— Мальчик, которого мы привезли, вошел внутрь, — сказал Слудиг. — Значит, там наверняка есть взрослые. — Он задумчиво перехватил копьё, полдюжины пар глаз неотрывно следили за его движением.

Риммер взял с собой копьё и шагнул к двери, за которой исчез Врен. Потом прислонил копьё к каменной стене и повернулся к детям.

— Никому не следует прикасаться к нему, — сказал он. — Вы меня поняли? *Гьяль эс, кюнден!* — Он положил ладонь на рукоять меча, потом поднял кулак и постучал в дверь.

Саймон оглянулся на Шип, завернутый в ткань и прикрепленный к одной из выючных лошадей. Он все еще не понимал, стоит ли брать оружие, но решил, что обнажать

Часть вторая. РУКА БУРИ

клинок сейчас не стоит — это лишь привлечет к нему внимание. И все же Саймон чувствовал себя отвратительно. Столько жертв принесено, чтобы добыть черный меч, а теперь он оставляет его у седла, как старую метлу.

— Бинабик, — тихо сказал он, указывая на замотанный меч, — как ты думаешь?..

Троль покачал головой.

— Я уверен, что тебе не стоит о нем беспокоиться, — прошептал троль. — В любом случае, если дети попытаются украсть меч, они едва ли сумеют далеко его унести.

Тяжелая дверь медленно распахнулась. На пороге стоял маленький Врен.

— Заходите, люди. Скоди говорит, заходите.

Бинабик спрыгнул в снег. Кантака понюхала воздух и большими скачками унеслась в ту стороону, откуда они пришли. Дети у костра с восторгом смотрели ей вслед.

— Пусть поохотится, — сказал Бинабик. — Она не любит входить в человеческие жилища. Пойдем, Саймон, нас приглашают в гости.

Троль обошел Слудига и последовал за Вреном внутрь.

Там горел такой же большой огонь, как снаружи, только здесь он полыхал над жаровней, пламя металось из стороны в сторону, отбрасывая дикие мерцающие тени на покрытую многочисленными трещинами штукатурку. Сначала Саймону показалось, что они попали в логово животных. Повсюду валялись груды одежды, соломы и куда более необычных предметов.

— Добро пожаловать, незнакомцы, — послышался чей-то голос. — Я Скоди. У вас есть еда? Дети очень голодны.

Она сидела на стуле у огня вместе с детьми, которые были заметно младше тех, что играли во дворе, — кто-то устроился у нее на коленях, другие жались к ногам. Сна-

чала Саймону показалось, что она сама ребенок — пусть и очень большой, — но после недолгих наблюдений понял, что она его возраста или даже немного старше. Светлые, почти белые волосы, бесцветные, как шелковые нити паука, обрамляли круглое лицо, привлекательное, несмотря на несколько дефектов, если бы женщина не была такой толстой. Бледные голубые глаза жадно смотрели на вновь прибывших.

Слудиг с подозрением разглядывал ее, он чувствовал себя неуверенно в таком ограниченном пространстве.

— Еда? У нас есть совсем немного, госпожа... — Он немного подумал. — Но мы готовы разделить ее с вами.

Она грациозно взмахнула пухлой розовой рукой, едва не сбросив на пол спавшего ребенка.

— Это не так важно, — заявила она. — Нам всегда удастся справиться. — Как и предсказывал Слудиг, она говорила на вестерлинге с сильным акцентом риммеров. — Присядьте и расскажите мне, что происходит в мире. — Она нахмурилась и поджала красные губы. — У меня где-то есть пиво. Ведь мужчины любят пиво, верно? Врен, пойдди, поищи. И где дубовые орехи, за которыми я тебя посылала?

Слудиг поднял голову.

— Вот, — он смущенно достал желуди Врена из кармана плаща.

— Хорошо, — сказала Скоди. — А теперь пиво.

— Да, Скоди. — Врен пробежал вдоль прохода, мимо составленных вместе стульев и скрылся в тени.

— Но как, если мне будет дозволено спросить, вы можете здесь жить? — проговорил Бинабик. — В таком уединенном месте?

Скоди алчно на него смотрела. А когда она услышала его вопрос, ее брови удивленно поползли вверх.

Часть вторая. РУКА БУРИ

— Я думала, ты ребенок! — Казалось, она была разочарована. — А ты просто маленький человек.

— Канук, миледи. — Бинабик поклонился. — Ваш народ называет нас «троллями».

— Тролль! — Она возбужденно всплеснула руками, и на этот раз ребенок скатился с ее колен и остался лежать на ворохе одеял возле ног. Малыш даже не проснулся, но другой тут же ползком забрался на освободившееся место. — Как замечательно! У нас здесь никогда не бывало троллей! — Она повернулась и крикнула в темноту. — Врен! Где пиво для наших гостей мужчин?

— А откуда взялись эти дети? — недоуменно спросил Саймон. — Они все ваши?

Скоди со смущением на него посмотрела.

— Да. Теперь они мои. Родители их не хотели, и теперь Скоди за ними присматривает.

— Ну... — Саймон был смущен. — Ну, вы очень добры. Но как вы их кормите? Вы сказали, что они голодны.

— Да, я добрая, — заявила заулыбавшаяся Скоди. — Я добрая, но так меня учили. Господь Усирис наказал защищать детей.

— Да, — проворчал Слудиг. — Так и есть.

Врен вновь возник в освещенной части помещения, в руках он держал кувшин с пивом и несколько потрепавшихся чаш. Он едва их не уронил, но ему помогли их поставить и разлить пиво для всех трех путешественников. Снаружи поднялся ветер, и огонь в камине взревел.

— У вас очень хороший огонь, — заметил Слудиг, стирая пену с усов. — Должно быть, вам было нелегко собрать сухое дерево во время вчерашней бури.

— О, Врен нарубил дрова в начале весны. — Она потянулась к мальчику и погладила его по голове пухлой

рукой. — Кроме того, он у нас мясник и повар. Врен мой хороший мальчик, правда, Врен?

— У вас нет никого старше? — спросил Бинабик. — Я не хочу показаться неучтивым, но вы кажетесь мне слишком юной, чтобы растить детей в одиночку.

Скоди окинула его внимательным взглядом, прежде чем ответить.

— Я же вам говорила, — наконец заговорила она. — Их матери и отцы ушли. Остались только мы. У нас все хорошо, правда, Врен?

— Да, Скоди. — Глаза мальчика затуманились, и он прижался к ее ноге, наслаждаясь теплом огня.

— Итак, — наконец заговорила Скоди, — вы сказали, что у вас есть немного еды. Почему бы вам ее не достать, если вы можете с нами поделиться. У нас найдется все, что нужно для трапезы. Просыпайся, Врен, ты настоящий лентяй! — Он слегка шлепнула его по затылку. — Просыпайся, пора готовить ужин!

— Не будите его, — сказал Саймон, которому стало жалко маленького черноволосого мальчишку. — Мы сами все приготовим.

— Чепуха, — сказала Скоди и встряхнула запротестовавшего Врена. — Он любит готовить ужин. А вы принесите то, что у вас есть. Вы ведь останетесь здесь на ночь? В таком случае вам нужно поставить лошадей в конюшню. Я думаю, они находятся с противоположной стороны двора. Врен, вставай, лентяй! Где конюшни?

Лес подобрался совсем близко к конюшням. Старые деревья, засыпанные снегом, уныло раскачивались под порывами ветра, когда Саймон и его спутники стелили свежую солому на пол в одном из стойл и сбрасывали снег в корыто, чтобы он растаял. У них возникло ощущение,

Часть вторая. РУКА БУРИ

что конюшной регулярно пользовались — из стен торчали почерневшие факелы, а рассыпающиеся стены пытались чинить в нескольких местах, — но понять, как давно здесь кто-то побывал в последний раз, они не сумели.

— Быть может, нам следует перенести сюда наши вещи? — спросил Саймон.

— Да, пожалуй, — согласился Бинабик, расстегивая упряжь на животе одной из вьючных лошадей. — Я сомневаюсь, что дети могут украсть что-то кроме еды, но мы не найдем наши вещи, если они их переложат.

В конюшне сильно пахло мокрыми лошадьми. Саймон потер жесткий бок Искательницы.

— Вам не кажется странным, что здесь никто не живет, кроме детей?

Слудиг коротко рассмеялся.

— Эта молодая женщина старше тебя, Снежная Прядь, — и, кстати, ее там очень много. У девушек в таком возрасте часто бывают собственные дети.

Саймон покраснел, но не успел дать раздраженный ответ — его опередил Бинабик.

— Я полагаю, — сказал тролль, — что Саймон говорит разумные вещи. Здесь много непонятного. Нам следует задать хозяйке несколько вопросов.

Саймон замотал Шип в свой плащ и понес его по снегу к аббатству. Постоянно менявшийся меч сейчас стал совсем легким. Кроме того, складывалось впечатление, что он слегка пульсирует, хотя Саймон знал, что причина может быть в его замерзших и дрожавших руках. Когда маленький Врен впустил их обратно, Саймон положил Шип рядом с очагом, где они собирались спать, а сверху пристроил несколько седельных сумок, словно рассчитывал лишить подвижности спящего зверя, который может проснуться и начать крушить все подряд.

Ужин получился диковинной смесью неожиданной еды и столь же странного разговора. Кроме остатков сушеных фруктов и мяса, принесенных тремя путешественниками, Скоди и ее юные подопечные поставили на стол миски с горькими желудями и кислыми ягодами. Врену удалось найти слегка заплесневелый, но вполне съедобный сыр в полуразрушенной кладовой аббатства, а также несколько кувшинов мускусного пива риммеров. В результате им удалось приготовить ужин на всю компанию, пусть и скудный: присутствовали все дети — их оказалось немногим больше дюжины.

У Бинабика не было возможности задавать вопросы во время трапезы. Те подопечные Скоди, что могли передвигаться самостоятельно, по очереди вставляли и рассказывали о своих приключениях за прошедший день, истории были столь невероятными и причудливыми, что поверить в них было невозможно. Одна маленькая девочка поведала о том, что она долетела до верхушки высоченной сосны, чтобы украсть перо у волшебной сойки. Один из старших мальчиков клялся, что в лесной пещере нашел шкатулку с золотом огра. Врен, когда очередь дошла до него, спокойно сообщил слушателям, что, когда он собирал желуди, его преследовал ледяной демон с блестящими голубыми глазами и Саймон вместе со своими спутниками его спасли от ужасной холодной хватки — они рубили демона мечами до тех пор, пока он не превратился в кучу сосулук.

Пока Скоди ела, она по очереди держала маленьких детей на коленях, выслушивая каждую историю так, словно завидовала тем, с кем она якобы случилась. Тех, чьи рассказы ей особенно понравились, она награждала кусочком еды, и дети с радостью ее принимали — Сай-

Часть вторая. РУКА БУРИ

мон решил, что именно награда является главной причиной для сочинения невероятных сказок.

Что-то в лице Скоди завораживало Саймона. Несмотря на большие размеры, в ее детских чертах было изящество, а блеск в глазах и улыбка заставляли Саймона не спускать с нее взгляда. В какие-то моменты, когда она заразительно смеялась над детскими выдумками или поворачивалась так, что огонь отражался в льняных волосах, она казалась очень красивой; в другие, когда жадно вырывала пригоршню ягод у кого-то из маленьких детей и засовывала их в широкий рот, или когда ее интерес к невероятным детским рассказам делал выражение ее лица идиотским, Саймон находил ее отвратительной.

Несколько раз она перехватывала его взгляды, и ее ответные взгляды вызывали у него страх, одновременно заставляя краснеть. Иногда в глазах Скоди, несмотря на лишний вес, появлялось выражение голодающего ничего.

— Итак, — сказала она, когда Врен закончил свою фантастическую историю, — вы еще более отважные мужчины, чем я предполагала. — Она широко улыбнулась Саймону. — Сегодня ночью мы все будем спать спокойно, зная, что вы находитесь под одной с нами крышей. — Вы ведь не думаете, что у ледяных демонов Врена есть братья?

— Не думаю, что это вероятно, — ответил Бинабик с мягкой улыбкой. — Вам не следует бояться демонов, пока мы с вами. В свою очередь, мы благодарны за крышу и тепло вашего очага.

— О нет. — Глаза Скоди широко раскрылись. — Это я должна вас благодарить. У нас редко бывают гости. Врен, помоги навести порядок и покажи мужчинам, где они могут устроиться на ночлег. Врен, ты меня слышишь?

Врен пристально смотрел на Саймона, и в его темных глазах появилось непонятное выражение.

— Вы упомянули о гостях, миледи, — начал Бинабик, — и я вспомнил о последнем вопросе, который собирался вам задать. Как вы и эти дети оказались в таком уединенном месте?..

— Пришла буря. Остальные сбежали. А нам было некуда идти. — Быстро произнесенные слова не смогли скрыть обиду в ее голосе. — Никто нас не хотел — ни детей, ни Скоди. — После того как неприятная тема была закрыта, ее голос потеплел. — А теперь для малышей пришло время сна. Идите сюда все, помогите мне встать.

Несколько детей поспешили к Скоди, чтобы помочь ей поднять со стула большое тело. Она медленно направилась к двери в задней части комнаты, и двое спавших детей прицепились к ней, точно летучие мыши.

— Врен вас отведет, — добавила Скоди. — И принеси свечку, когда вернешься, Врен. — С этими словами она исчезла в темноте.

Саймон проснулся от беспокойного сна посреди ночи, и его наполнила паника от ночной беззвездной тьмы, полной красных точек, кроме того, его тревожил слабый звук, вплетающийся в приглушенную ткань песни ветра. Прошло некоторое время, прежде чем он вспомнил, что они проводят ночь рядом с очагом, под крышей старого аббатства, где согреваются теплом тлеющих углей под защитой от стихии под крышей и разваливающимися стенами. Звуки были одиноким воем Кантаки, плывущим где-то далеко. Страх Саймона немного ослабел, но не исчез.

«Возможно, это сон прошлой ночи? — подумал он. — Шем, Рубен и голоса? Возможно, это безумный бред... или разговор был настоящим... каким он и казался?»

Часть вторая. РУКА БУРИ

С той ночи, когда он сумел бежать из Хейхолта, Саймон уже не чувствовал себя хозяином своей судьбы. С той самой Ночи побивания камнями, когда он каким-то образом услышал мерзкие мысли Прайрата и, сам того не желая, стал свидетелем ритуала, во время которого Элиас получил ужасный дар — меч Скорбь, Саймон спрашивал себя, является ли он по-прежнему хозяином своего разума. Его сны стали более яркими, чем обычные ночные видения. Сон в доме Джелой, когда мертвый Моргенес предупредил его о фальшивом посланце, и повторяющиеся видения огромного, уничтожавшего все на своем пути колеса, и дерево-что-было-башней, белое среди звезд — они казались слишком настойчивыми, слишком могущественными, чтобы быть обычным тревожным сном. А прошлой ночью он услышал во сне Прайрата, говорившего с каким-то неземным существом. Столь же четко, как если бы Саймон слушал у замочной скважины. Никаких подобных снов он не видел никогда в жизни до событий ужасного последнего года.

Когда Бинабик и Джелой повели его по Дороге Снов, посетившие его там видения показались ему похожими на то, что он пережил сейчас и прошлой ночью — как сновидения, но с диким и неописуемым эффектом присутствия. Быть может, каким-то образом, из-за Прайрата на холме или чего-то еще, в нем распахнулась дверь, которая иногда выводила его на Дорогу Снов. Это походило на безумие, но мир вокруг стал совершенно невероятным и необъяснимым, где все перевернуто вверх дном. Должно быть, эти сны имели огромное значение — когда Саймон проснулся, у него появилось ощущение, что он упускает нечто бесконечно важное, — но он понятия не имел, что именно, и это было ужаснее всего.

Скорбный вой Кантаки вновь прозвучал где-то далеко за стенами аббатства. «Быть может, тролль встал, чтобы успокоить своего скакуна», — подумал Саймон, но храп Бинабика и Слудига звучал ровно и не прерывался. Саймон попытался встать, полный решимости дать волчице возможность войти — она казалась очень одинокой и несчастной, а снаружи царил такой холод, — но обнаружил, что не может пошевелиться, невероятная слабость охватила его конечности, и ему никак не удавалось заставить себя подняться. Саймон отчаянно сражался, однако ничего не помогало. Его тело слушалось его не лучше, чем если бы оно было вырублено из ясеня.

Саймоном вдруг овладела ужасная сонливость. Он боролся с ней, но она решительно тащила его вниз; далекий вой Кантаки стал слабеть, а он скользил все дальше, словно по длинному склону, к бесконечному незнанию...

Когда Саймон снова проснулся, последние угольки в камине почернели и аббатство погрузилось в полную темноту. Когда холодная рука коснулась его лица, он ахнул от ужаса, но воздух не пожелал покидать его легкие, тело все еще казалось тяжелым, как камень, и он так и не мог пошевелиться.

— Хорошенький, — прошептала Скости из глубокой тени, и Саймон скорее чувствовал ее, чем видел — большое тело, возвышавшееся над ним. Она погладила его по щеке. — У тебя только недавно начала расти борода. Ты такой хорошенький. Я тебя оставлю.

Саймон отчаянно извивался, пытаясь избавиться от ее прикосновений.

— Они тоже тебя не хотят, верно? — сказала Скости, воркуя, словно он ребенок. — Я чувствую. Скости знает. Тебя изгнали, да, я знаю, слышу в твоей голове. Но я послала Врена за тобой по другой причине.

Часть вторая. РУКА БУРИ

Она присела на корточки рядом с ним в темноте, так палатка опускается, когда из нее вынимают колышки.

— Скоди знает, что у тебя есть, — продолжала она. — Я слышала его пение собственными ушами, видела в снах. Леди Серебряная Маска хочет это получить. И ее лорд Красные глаза — тоже. Им нужен меч, черный меч, и, когда я его им отдам, они станут хорошо обращаться со мной. Они будут любить Скоди и дарить ей подарки. — Она сжала прядь его волос пухлыми пальцами и сильно дернула.

Боль, которую Саймон почувствовал, показалась ему какой-то далекой. Через мгновение, словно для того, чтобы ее снять, она осторожно провела ладонью по голове и лицу Саймона.

— Хорошенький, — снова заговорила она. — Мой друг — друг моего возраста. Именно такого я ждала. Я уберу сны, которые тебя тревожат. Я уберу все твои сны. Знаешь, я умею это делать. — Она еще сильнее понизила свой шепчущий голос, и тут только Саймон сообразил, что больше не слышит тяжелого дыхания своих друзей. Быть может, они затаились в темноте и ждут подходящего момента, чтобы его спасти. В таком случае он надеялся, что они будут действовать быстро. Сердце у него в груди казалось таким же тяжелым, как конечности, но внутри пульсировал страх, подобный тайному биению сердца. — Меня выгнали из Эйстада, — бормотала Скоди. — Моя семья и соседи. Сказали, что я ведьма. Сказали, что проклиная людей. Выгнали меня. — И она стала жутко всхлипывать.

— Я им п-п-показала. Когда отец напился и спал, я прыгнула мать ножом и вложила его в руку отца. Он покончил с собой. — Ее смех был горьким, но безжалостным. — Я всегда умела видеть вещи, недоступные для других,

Скала Прощания. Том 2

и думать о них. А потом, когда наступила настоящая зима, не пожелавшая уходить, у меня появился дар *делать*. Теперь я могу то, что не способен никто другой. — В ее голосе появились триумфальные нотки. — И я становлюсь сильнее. Когда я отдам леди Серебряная Маска и лорду Красные глаза меч, который они ищут, поющий черный меч, — я слышала его в своих снах, то стану такой же, как они. И тогда мы с детьми заставим всех пожалеть.

Пока Скоди говорила, она рассеянно опустила холодную руку со лба Саймона на его рубашку и обнаженную грудь — так гладят собаку. Ветер стих, и в наступившей жуткой тишине Саймон вдруг понял, что у него отняли друзей. В темной комнате остались лишь Скоди и Саймон.

— Но *тебя* я сохраню, — продолжала она. — Оставлю себе.

За Божественными стенами

Отец Диниван возил еду по миске, глядя в нее с таким видом, будто надеялся прочесть послание, написанное крошками хлеба и косточками от оливок, которое ему поможет. Вдоль всего стола были расставлены ярко горевшие свечи, голос Прайрата звучал резко и громко, точно медный гонг.

— ... Таким образом, вы понимаете, Ваше Святейшество, король Элиас хочет от вас только одного: признания, что Мать Церковь отвечает и заботится о душах людей, но не имеет права вмешиваться в то, как законный монарх распоряжается их телесными формами.

Безволосый священник удовлетворенно ухмыльнулся.

У Динивана замерло сердце, когда он увидел, что Ликтор отстраненно улыбнулся в ответ на слова Прайрата. Вне всякого сомнения, Ранессин понимал — Элиас практически объявил, что наместник Бога имеет меньше прав на власть, чем земной король. Почему он ничего не отвечает?

Ликтор медленно кивнул, посмотрел через стол на Прайрата, затем бросил мимолетный взгляд на герцо-

га Бенигариса, нового хозяина Наббана, который слегка занервничал и поспешно принялся вытирать жир с подбородка вышитым рукавом. Пир по поводу Кануна Середины мансы обычно являлся религиозным и церемониальным событием. И хотя Диниван прекрасно знал, что Бенигарис абсолютно и бесповоротно принадлежит господину Прайрата Элиасу, сейчас герцог, похоже, намеревался соблюсти приличия и не давать повода к конфронтации.

— Верховный король и его посол Прайрат хотят для Матери Церкви только самого лучшего, — с угрюмым видом заявил Бенигарис, который не сумел выдержать взгляд Ранессина, как будто в нем отразились слухи о том, что он убил своего отца. — Мы должны прислушаться к тому, что говорит Прайрат.

И он снова обратил все свое внимание на поднос с едой, видимо, посчитав ее более приятной компанией.

— Мы обдумываем то, что нам сказал Прайрат, — мягко ответил Ликтор, и за столом снова повисла тишина.

Толстый Веллигис и остальные эскриторы, присутствовавшие на встрече, занялись едой, очевидно, радуясь, что противостояния, которого они опасались, удалось избежать.

Диниван опустил глаза на миску с остатками ужина. Молодой священник, стоявший возле его локтя, снова наполнил его бокал водой — в этот вечер следовало избегать вина — и протянул руку, собираясь забрать миску, но Диниван от него отмахнулся, решив, что лучше сосредоточиться хотя бы на чем-то, чем смотреть на ядовитого Прайрата, не скрывавшего своего огромного удовольствия от того, что ему удалось поставить Церковь в сложное положение.

Часть вторая. РУКА БУРИ

Диниван рассеянно гонял ножом по столу хлебные крошки, размышляя о том, как неразрывно соединены великое и мирское. Возможно, когда-нибудь ультиматум короля Элиаса и ответ Ликтора будут казаться событиями исключительной важности, как в тот день, давным-давно, когда Ларексис Третий объявил лорда Сулиса еретиком и апостатом и отправил этого потрясающего, беспокойного человека в ссылку. Но даже во время *того* события, имевшего огромное значение, размышлял Диниван, вероятно, какие-то священники почесывали носы, смотрели в потолок или беззвучно стонали от боли в суставах, несмотря на то что участвовали в важнейшем историческом совете. Точно так же, как сейчас Диниван ковырял остатки еды, а герцог Бенигарис рыгал и распускал ремень на штанах. Люди так устроены — обезьяны и ангелы, их животная природа будет возмущаться ограничениями цивилизации, даже когда они устремятся в рай или ад. На самом деле, это забавно... или должно быть.

Когда эскритор Веллигис попытался завести более приятный разговор, подходящий для застолья, Диниван неожиданно почувствовал, как у него задрожали пальцы, и сразу понял, что стол под его руками начал тихонько вибрировать. Сначала он подумал, что началось землетрясение, но в следующее мгновение косточки от оливок у него в миске медленно заскользили друг к другу, и перед его изумленным взглядом появились руны. Потрясенный Диниван поднял голову, но, казалось, никто за праздничным столом не заметил ничего необычного. Веллигис что-то монотонно бормотал, его пухлое лицо блестело от пота, остальные гости на него смотрели, изображая вежливый интерес.

Остатки еды в миске Динивана принялись ползать по дну, точно насекомые, и в результате появилось два смешливых слова: ПИСАРЬ-СВИНЬЯ. Динивана затошнило, он поднял голову, встретился взглядом с черными акульими глазами алхимика и увидел в них нескрываемое веселье. Один белый палец парил над скатертью, как будто что-то рисовал в воздухе. Затем на глазах у Динивана Прайрат пошевелил всеми пальцами одновременно, и крошки с косточками разбежались по миске, словно их перестала удерживать вместе неизвестная сила.

Рука Динивана скользнула к цепочке, прятанной под сутаной, он нащупал свиток, а улыбка Прайрата стала еще шире, и он стал почти похож на счастливого ребенка. Диниван почувствовал, что его обычный оптимизм растворяется в не вызывавшей сомнений уверенности красного священника, и вдруг понял, что его жизнь на самом деле подобна хрупкому тростнику, который так легко сломать.

— ... Полагаю, они на самом деле совершенно не опасны... — вещал Веллигис, — однако варвары, которые поджигают себя на общественных площадях, наносят ужасный удар по достоинству Матери Церкви, словно бросают ей вызов, предлагая их остановить! Мне говорили, что это безумие заразно и его приносит плохой воздух. Так что теперь я никогда не выхожу на улицу, не прикрыв платком нос и рот...

— А может быть, Огненные танцоры вовсе не безумны, — весело заявил Прайрат. — Возможно, их сны более... *реальны*... чем вы готовы поверить.

— Это... это... — заикаясь, вскричал Веллигис, но Прайрат не обратил на него ни малейшего внимания, он

Часть вторая. РУКА БУРИ

по-прежнему не сводил с Динивана своих до непристойности пустых глаз.

«Он уже не боится перейти все границы, — подумал Диниван, и это понимание невыносимым бременем легло на его плечи. — Ничто больше не удерживает и не связывает его. Безумное любопытство стало безрассудным и неутолимым голодом».

Неужели с миром начали происходить ужасные изменения именно в тот момент, когда Диниван и его соратники, Хранители манускрипта, ввели Прайрата в свой тайный совет? Они открыли молодому священнику свои сердца и драгоценные архивы из уважения к его острому уму задолго до того, как гниль, поселившуюся в нем, уже невозможно было не заметить. Тогда они изгнали его из своих рядов — но, похоже, слишком поздно. Как и Диниван, Прайрат допущен к тем, кто занимает высокое положение, но красная звезда Прайрата начала свое стремительное восхождение вверх, в то время как путь Динивана окутан туманом.

Что еще он может сделать? Он отправил письма двум оставшимся в живых Хранителям манускрипта, Ярнауге и ученику Укекука, хотя уже давно не получал от них известий. Также он послал указания и предложения тем, кто крепок в вере, лесной женщине Джелой и маленькому Тиамаку, живущему в болотистом Вране. Благополучно доставил принцессу Мириамель в Санцеллан Эйдонитис и попросил ее рассказать Ликтору все, что она знала. Позаботился обо всех деревьях, как хотел бы Моргенес: теперь ему оставалось только ждать и посмотреть, какие плоды они принесут...

Оторвавшись от неприятного взгляда Прайрата, Диниван посмотрел на обеденный зал Ликтора, стара-

ясь оценить детали. Если этому вечеру суждено войти в историю, к добру или нет, он решил запомнить все, что удастся. Может быть, в будущем — более счастливым, чем то, которое он представлял сейчас, — он будет стоять рядом с юным мастером и поправлять его: «Нет, все было совсем не так! Я же там *присутствовал...*» Диниван улыбнулся, забыв на мгновение все свои заботы. Какая замечательная мысль — пережить темные времена и превратиться в старика, который только и делает, что бесконечно раздражает беднягу художника, изо всех сил старающегося выполнить заказ.

Его приятным размышлениям положило конец появление знакомого лица в двери, ведущей на кухни. Что здесь делает Кадрах? Он провел в Санцеллане Эйдонитесе меньше недели, и у него не может быть никаких дел возле личных покоев Ликтора. Значит, он шпионит за гостями Ликтора, приглашенными на ужин. И в чем причина — простое любопытство, или у Кадраха... Падрейка... проснулись прежние обязательства? Возможно, такие, что конфликтуют между собой?

В тот момент, когда эти мысли пронеслись в голове Динивана, лицо монаха снова скрылось в тени двери и исчезло из вида. А через мгновение появился слуга с большим серебряным подносом, и Динивану стало ясно, что Кадрах ушел.

И тут, словно контрапунктом к замешательству Динивана, Ликтор неожиданно встал со своего высокого стула во главе стола. Доброе лицо Ранессина было мрачным, и в тенях, которые отбрасывали ярко горевшие свечи, он казался древним и согнутым под тяжестью забот.

Ликтор заставил замолчать разошедшегося Веллигиса взмахом руки и медленно заговорил:

Часть вторая. РУКА БУРИ

— Мы подумали, — начал он, и у Динивана возникло ощущение, будто седая голова Ликтора подобна заснеженному горному пику. — Мир, о котором говорите вы, Прайрат, наделен определенным смыслом. И логика ваших рассуждений имеет под собой солидные основания. Мы уже слышали подобные вещи от герцога Бенигариса и его частого посланника герцога Аспитиса.

— Графа Аспитиса, — резко заявил Бенигарис, крупное лицо которого покраснело от солидного количества выпитого вина Ликтора. — Граф, — продолжал он, не обращая ни на что внимания. — Король Элиас сделал его графом по *моей* просьбе. В качестве жеста доброй воли в адрес Наббана.

На лице с изящными чертами появилось отвращение, которое Ранессин не сумел скрыть.

— Мы знаем, что вы близки с Верховным королем, Бенигарис. И нам известно, что вы правите Наббаном. Но сейчас вы сидите за нашим столом в доме Бога — за *моим* столом, — и мы требуем, чтобы вы хранили молчание до тех пор, пока глава Церкви не закончит говорить.

Динивана потряс сердитый тон Ликтора — Ранессин отличался мягким нравом и был добрейшим человеком, — но его обрадовало столь неожиданное проявление силы. Усы Бенигариса сердито встопорщились, и он потянулся за своей чашей с неловкостью смущенного ребенка.

Голубые глаза Ранессина смотрели в упор на Прайрата, и он заговорил в величественной манере, к которой редко прибегал, но в тех случаях, когда ее использовал, это казалось совершенно естественным.

— Как мы уже сказали, идея о мире, за который ратуете вы, Элиас и Бенигарис, имеет определенную то-

лику здравого смысла. Это мир, где алхимики и монархи решают судьбы не только физических тел людей, но также их душ, мир, в коем слуги короля ради собственных целей подстрекают заблудшие души сжигать себя во имя фальшивых идолов. Мир, в котором вместо неуверенности в существовании невидимого Бога людям преподносят черный, ослепительно пылающий дух, живущий на нашей земле, в самом сердце ледяной горы.

Лицо Прайрата сморщилось, когда он услышал слова Ликтора, и Диниван испытал мгновение холодного ликования. Прекрасно. Значит, это существо еще можно удивить.

— *Слушайте меня!* — Голос Ранессина набрал силу, и на мгновение показалось, будто не только обеденный зал погрузился в тишину, но и весь мир вместе с ним, как будто в этот миг залитый сиянием свечей стол оказался на высшем пике Созидания.

— Этот мир — *ваш* мир, тот, что вы нам предлагаете, описывая его своими хитроумными, коварными речами, — не имеет никакого отношения к Матери Церкви. Мы уже давно знаем про разгуливающего по нашей земле черного ангела, чьи бледные руки тревожат все сердца Светлого Арда, но *наши* бич — это сам Архидемон, вечный враг Божественного света. Не имеет значения, является ли ваш союзник *нашим* истинным Врагом, с коим мы сражаемся тысячелетия, которые не сосчитать, или очередным злобным приспешником мрака, Мать Церковь всегда выступала против ему подобных. И так будет во веки вечные.

Казалось, все в комнате затаили дыхание на бесконечные мгновения.

Часть вторая. РУКА БУРИ

— Ты сам не понимаешь, что говоришь, старик, — прошипел Прайрат, голос которого сочился ядом. — Ты становишься слабым, и твой разум тебе отказывает...

Удивительно, но никто из эскритеров не возмутился и не запротестовал, они смотрели широко раскрытыми глазами на Ранессина, который наклонился над столом и спокойно встретил полный гнева взгляд Прайрата. Свет по всему банкетному залу замерцал и почти погас, оставив только два ярких пятна: алое и белое. И тени, что росли и становились все больше...

— Ложь, ненависть и жадность, — тихо проговорил Ликтор, — знакомые нам враги, которые с нами века. И не важно, под чьими знаменами они выступают.

Он встал и поднял руку, худой бледный человек, и Диниван снова ощутил яростную, не поддававшуюся контролю любовь, которая заставила его с благоговением склониться перед загадкой божественной цели, связать свою жизнь со службой у этого скромного и замечательного человека и Церковью, жившей в его душе.

С холодной точностью Ранессин нарисовал знак Древа в воздухе перед собой. Динивану показалось, что стол снова содрогнулся под его руками, и на сей раз он знал, что алхимик тут ни при чем.

— Ты открыл двери, которым следовало оставаться закрытыми навсегда, Прайрат, — провозгласил Ликтор. — В своей гордости и глупости ты и Верховный король призвали страшное зло в мир, уже и без того страдающий под тяжким бременем. Наша Церковь — *моя* Церковь — будет сражаться за каждую душу до тех пор, пока не наступит День подведения итогов. Я *отлучаю* тебя и короля Элиаса от Церкви, а также каждого, кто последует за вами в мир мрака и ошибок.

Дуос Оненподенсис, Феата Ворум Лексеран. Дуос Оненподенсис, Феата Ворум Лексеран!

За громopodobными словами Ликтора не последовали раскаты грома и не прозвучал рог, возвещавший божью кару, лишь вдалеке на башне Клавин пробили часы. Прайрат медленно поднялся на ноги, его лицо было бледным, как воск, губы дрожали и изогнулись в злобной гримасе.

— Ты совершил страшную ошибку, — прошипел он. — Ты глупый старик, а твоя великая Мать Церковь это всего лишь детская игрушка, сделанная из куса пергамента и клея. — Он дрожал от удивления и ярости. — Очень скоро мы предадим ее огню, и она будет гореть под душераздирающие крики твоих прихожан. *Ты совершил ошибку.*

Он повернулся и, стуча каблуками по выложенному плитками полу, направился к двери банкетного зала, окутанный алым, точно пламя, плащом. Динивану показалось, что он слышит жуткое обещание бойни в грохоте шагов уходящего священника, угрозу безжалостного и смертоносного пожара, в котором страницы истории превратятся в пепел.

Мириамель пришивала деревянную пуговицу к своему плащу, когда кто-то к ней постучал. Она удивилась, соскользнула с кровати и, ступая по холодному полу босыми ногами, пошла открыть дверь.

— Кто там?

— Откройте дверь, принце... Малахия. Пожалуйста, открой дверь.

Мириамель сняла засов и увидела стоявшего в плохо освещенном коридоре Кадраха, на потном лице которого отражался свет свечи. Он так быстро прошел мимо

Часть вторая. РУКА БУРИ

нее в крошечную комнатку и тут же закрыл локтем дверь, что Мириамель почувствовала, как легкий ветерок промчался совсем рядом с ее носом.

— Ты сошел с ума? — возмутилась она. — Ты не можешь вот так ко мне врваться!

— Прошу вас, принцесса...

— Убирайся! Немедленно!

— Миледи... — Кадрах рухнул перед Мириамель на колени, чем невероятно ее удивил. Его обычно красное лицо сильно побледнело. — Мы должны бежать из Санцеллана Эйдонитиса. Сегодня вечером.

Мириамель посмотрела на него сверху вниз.

— Ты *действительно* сошел с ума, — властным голосом заявила она. — О чем ты говоришь? Ты что-то украл? Я не уверена, что мне стоит и дальше тебя защищать, и я совершенно точно не собираюсь убежать из...

Кадрах прервал ее на полуслове.

— Нет, я ничего плохого не сделал, по крайней мере не сегодня, и сейчас опасность угрожает скорее не мне, а вам. И она огромная. Мы должны бежать!

Мириамель несколько мгновений не знала, что сказать. Кадрах действительно выглядел очень напуганным, что совсем не походило на его обычное сдержанное поведение.

Наконец он прервал молчание.

— Прошу вас, миледи, я знаю, что был не слишком надежным спутником, но я совершал и хорошие поступки. Умоляю, поверьте мне хотя бы раз. Вам грозит ужасная опасность!

— Какая?

— Прайрат здесь.

Мириамель почувствовала, как ее окатила волна облегчения. Дикие слова Кадраха все-таки ее напугали.

— Идиот. Мне это известно. Я вчера разговаривала с Ликтором. Я все знаю про Прайрата.

Приземистый монах поднялся на ноги. Мириамель заметила, что на его лице появилось решительное выражение.

— Это самое глупое из всего, что вы когда-либо говорили, принцесса. Вы очень мало о нем знаете, и вам следует благодарить судьбу за свое неведение. Благодарить по-настоящему! — Неожиданно Кадрах схватил ее за руку.

— Прекрати! Как ты смеешь!

Мириамель попыталась вцепиться ему пощечину, но Кадрах, продолжая крепко держать ее за руку, сумел отклониться, он оказался на удивление сильным.

— Кости святого Муирфата! — прошипел он. — Перестаньте вести себя, как полная дура, Мириамель! — Он наклонился и посмотрел на нее широко раскрытыми глазами, выдержав ее взгляд, и она мимолетно отметила про себя, что от него не пахнет вином. — Если мне придется обращаться с вами, как с ребенком, я так и сделаю, — прорычал монах и стал толкать ее назад, пока она не села на кровать, а потом навис над ней, сердитый и одновременно ужасно напуганный. — Ликтор отлучил Прайрата и вашего отца от Церкви. Вы понимаете, что это означает?

— Да! — почти крикнула Мириамель. — И очень рада!

— Только вот Прайрат *совсем* не рад, и здесь произойдет нечто очень плохое. Причем в самое ближайшее время. Вам ни в коем случае нельзя тут находиться.

— Плохое? Что ты имеешь в виду? Прайрат приехал в Санцеллан Эйдонитис один, в сопровождении дюжины стражников моего отца. Что он может сделать?

Часть вторая. РУКА БУРИ

— А вы еще утверждаете, будто все про него знаете. — Кадрах с отвращением покачал головой, затем отвернулся и начал забрасывать в рюкзак Мириамель ее одежду и кое-что из других вещей. — Лично я не хочу стать свидетелем того, что он задумал, — заявил Кадрах.

Мириамель несколько мгновений озадаченно наблюдала за ним. Кто этот человек, который похож на Кадраха, но кричит, приказывает и хватает ее за руку, точно матрос с речной баржи.

— Я никуда не уйду, пока не поговорю с отцом Диниваном, — сказала она наконец, и ее голос прозвучал немного мягче.

— Прекрасно, — ответил Кадрах. — Как пожелаете. Просто подготовьтесь к отъезду. Я уверен, что Диниван согласится со мной встретиться — если нам удастся его найти.

Мириамель неохотно начала ему помогать.

— Скажи мне только одно, — проговорила она, — ты готов поклясться, что нам угрожает опасность? И ты ничего не натворил?

Кадрах замер, и впервые с тех пор, как он вошел в комнату, на лице у него появилась столь знакомая Мириамель полуулыбка, но она превратила его черты в маску невероятной печали.

— Мы все совершаем поступки, о которых потом жалеем, Мириамель. Мои ошибки заставляли нашего Бога плакать на Его великом троне. — Он покачал головой, недовольный тем, что тратит драгоценное время на разговоры. — Но опасность, о которой я говорю, реальна, и она уже стоит на нашем пороге. Мы с вами ничего не можем сделать, чтобы она стала меньше. Мы должны бежать. Трусам всегда удается выжить.

Взглянув на его лицо, Мириамель неожиданно поняла, что совсем не хочет знать, какие поступки заставили Кадраха так сильно себя ненавидеть. Ее передернуло, она отвернулась и принялась искать сапоги.

Санцеллан Эйдонитис казался на удивление пустынным, даже для столь позднего часа. В некоторых общих комнатах несколько человек о чем-то разговаривали приглушенными голосами, в коридорах изредка попадались священники с зажженными свечами, спешившие по каким-то поручениям. Но, если о них забыть, они никого не встретили. Пламя факелов металось по стенам, словно его тревожил беспокойный ветерок.

Мириамель и Кадрах находились в заброшенной галерее на верхнем этаже, направляясь из коридора, где располагались комнаты для приезжавших сюда священников, в административное и церемониальное сердце Дома Бога, когда монах указал Мириамель на окутанный тенями альков с окном.

— Опустите свечу пониже, подойдите сюда и посмотрите, — тихо сказал он.

Мириамель пристроила свечу в щель между двумя плитками, наклонилась вперед и почувствовала, как холодный воздух ударил ей в лицо.

— И на что мне смотреть?

— Вон там, внизу. Видите мужчин с факелами?

Кадрах попытался показать ей в узкое окошко, куда посмотреть. Мириамель увидела во дворе примерно двадцатку мужчин в доспехах и плащах, на плечах они держали копьа.

— Да, — медленно проговорила она. Солдаты ничего особенно не делали, как ей показалось, только грели

Часть вторая. РУКА БУРИ

руки около обложенных камнями костров, горевших во дворе. — И что?

— Они из домашней стражи герцога Бенигариса, — мрачно ответил Кадрах. — Кто-то знает, что сегодня ночью здесь будут серьезные проблемы.

— Но мне казалось, что солдатам не разрешается брать с собой оружие в Санцеллан Эйдонитис. — От наконечников копий, точно языки пламени, отражался свет факелов.

— Сейчас здесь гостит герцог Бенигарис, поскольку он был приглашен на банкет Ликтора.

— А почему он не вернулся в Санцеллан Маистревис? — Мириамель отошла от окна, из которого отчаянно дуло. — Это же совсем рядом.

— Хороший вопрос, — ответил Кадрах, и на его лице, расплосованном теньями, появилась кислая улыбка. — Действительно, почему?

Герцог Изгримнур проверил большим пальцем острый край Квалнира, удовлетворенно кивнул и убрал точильный камень и баночку с маслом в мешок. Это занятие всегда его успокаивало. Жаль, что придется оставить меч. Изгримнур вздохнул, снова завернул его в тряпку и засунул под матрас.

«Негоже идти на встречу с Ликтором с мечом, — подумал он, — и не важно, что с ним я буду чувствовать себя лучше. Сомневаюсь, что его страже это понравится».

Впрочем, Изгримнур не собирался встречаться с Ликтором напрямую. Вряд ли чужого монаха допустят в спальню главы Матери Церкви, но комната Динивана находилась совсем рядом, и секретаря Ликтора никто не охранял. Кроме того, Диниван знал Изгримнура и был

о нем высокого мнения. Когда священник поймет, кто к нему пришел поздно вечером, он внимательно выслушает все, что намерен сказать ему герцог.

И все же Изгримнур чувствовал, что внутри у него все замирает, совсем как перед бесчисленными сражениями. Именно по этой причине он достал Квалнир, который покидал ножны не больше пары раз с тех пор, как герцог оставил за спиной Наглимунд, и уж точно он не использовал его по назначению, так что сделанный двернингами клинок просто не мог затупиться, но, когда ожидание становится невыносимым, мужчина может заняться приведением в порядок своего оружия. Сегодня вечером в воздухе повисло неприятное ощущение ожидания, напоминавшее Изгримнуру берега Клоду во время сражения в Озерном крае.

Даже король Джон, закаленный в сражениях ветеран, нервничал в *ту* ночь, зная, что десять тысяч тритингов прячутся где-то в темноте за линией костров и что жители равнин не склонны придерживаться правил цивилизованного начала боя на рассвете, да и вообще никаких правил ведения войны.

Престер Джон той ночью пришел к костру, у которого сидел его юный друг риммер — Изгримнур тогда еще не унаследовал герцогство своего отца, — чтобы выпить с ним вина и поболтать. Они разговаривали, а король точил и полировал свой знаменитый Сияющий Коготь. Они проговорили всю ночь, сначала немного скованно, с длинными паузами, прислушиваясь к незнакомым звукам, потом, по мере того как приближался рассвет и стало понятно, что тритинги не собираются атаковать их ночью, свободнее и увереннее.

Джон рассказал Изгримнуру о своей молодости на острове Варинстен, который описывал как место, где

Часть вторая. РУКА БУРИ

живут отсталые и суеверные неотесанные деревенщины, и про первые путешествия по землям Светлого Арда. Изгримнур заворожили неожиданные картины юности короля. Престеру Джону было почти пятьдесят, когда они сидели у костра рядом с озером Клоду, и молодой риммер в своей жизни не знал другого короля. Но, когда он спросил Джона о его легендарной победе над красным драконом Шуракаи, тот отмахнулся от вопроса, как от назойливой мухи. Так же точно он не захотел говорить о том, как получил Сияющий Коготь, заявив, что эти истории уже множество раз звучали и всем надоели.

Теперь, сорок лет спустя, сидя в монашеской келье в Санцеллане Эйдонитисе, Изгримнур вспоминал и улыбался. Тот момент, когда Джон нервно точил свой меч, был на его памяти единственным, когда король испытывал подобие страха — по крайней мере перед сражением.

Герцог фыркнул. Замечательный старик уже два года лежит в могиле, а его друг Изгримнур сидит и страдает, в то время как должен исполнять свой долг во благо королевства Джона.

«Если Господь пожелает, Диниван станет моим герольдом. Он наделен умом и сумеет убедить Ликтора Ранессина встать на мою сторону, и мы найдем Мириамель».

Он накинул капюшон на голову, затем открыл дверь, и в комнату пролился свет факелов из коридора. Изгримнур прошел через комнату и погасил свечу, решив, что не стоит рисковать — вдруг она упадет на матрас, и начнется пожар.

Кадрах нервничал все сильнее. Они уже довольно долго ждали Динивана в его кабинете. Колокол на башне Клавин только что пробил одиннадцатый час.

— Он не вернется, принцесса, а я не знаю, где находятся его личные покои. Нам пора уходить.

Мириамель в задней части кабинета секретаря заглядывала сквозь щель в занавеси в большой зал для аудиенций Ликтора. Из-за того что в нем горел единственный факел, казалось, будто фигуры, нарисованные на высоком потолке, плавают в грязной воде.

— Зная Динивана, могу предположить, что его личные апартаменты находятся рядом с тем местом, где он работает, — сказала Мириамель, которая, услышав беспокойство в голосе монаха, снова почувствовала некоторое превосходство. — Диниван сюда вернется. Он даже свечи не погасил. Что ты так волнуешься?

Кадрах поднял голову от бумаг Динивана, которые старался незаметно просмотреть.

— Я был на сегодняшнем банкете. И видел лицо Прайрата. Он не привык, чтобы ему не подчинялись.

— Откуда ты это знаешь? И что делал на банкете?

— То, что было необходимо. Держал глаза открытыми. Мириамель вернула занавес на место.

— Ты полон скрытых талантов, не так ли, Кадрах? Где ты научился открывать двери без ключа, как, например, в эту комнату?

У Кадраха сделался обиженный вид.

— Вы же сказали, что хотите с ним встретиться, миледи, и потребовали, чтобы я вас к нему отвел. Я подумал, что будет лучше войти внутрь, чем стоять в коридоре, дожидаясь, когда мимо пройдет охрана Ликтора или какой-нибудь монах, и они захотят узнать, что мы делаем в этой части Санцеллана.

— Похититель, шпион, мастер владения отмычкой — необычные таланты для монаха.

Часть вторая. РУКА БУРИ

— Можете потешаться надо мной, если вам так хочется, принцесса. — На лице Кадраха появилось выражение, очень похожее на стыд. — Я не выбирал такую жизнь, или, точнее, думаю, принимал неправильные решения. Но увольте меня от ваших нападок до тех пор, пока мы не выберемся отсюда и не окажемся в безопасности.

Мириамель села в кресло Динивана и потерла замерзшие руки, посмотрев на монаха своим самым спокойным взглядом.

— Откуда ты родом, Кадрах?

— Я не хочу об этом говорить, — покачав головой, ответил он. — Моя уверенность в том, что Диниван не вернется, становится все сильнее. Мы должны уходить.

— Нет. И, если ты не перестанешь это повторять, я закричу. И тогда мы увидим, что сделают стражники Ликтора.

Кадрах выглянул в коридор и быстро закрыл дверь. Несмотря на холод, его волосы вокруг тонзуры свисали с одной стороны головы мокрыми от пота прядями.

— Миледи, прошу вас, умоляю, ради вашей собственной жизни и безопасности, пожалуйста, давайте уйдем отсюда прямо сейчас. Близится полночь, и угроза вашему благополучию с каждым мгновением становится все серьезнее. Просто... *поверьте* мне. — В его голосе появилось настоящее отчаяние. — Мы не можем больше ждать...

— Ты ошибаешься. — Мириамель нравилось, что к ней вернулся контроль над ситуацией. Она положила ноги в сапогах на заваленный бумагами стол Динивана. — Я могу ждать всю ночь, если потребуется. — Она попыталась снова наградить Кадраха суровым взглядом, но он расхаживал по кабинету у нее за спиной и ничего не

заметил. — И мы не станем убегать посреди ночи, точно безмозглые идиоты, не поговорив сначала с Диниваном. Я доверяю ему гораздо больше, чем тебе.

— И, полагаю, тут вы правы.

Кадрах вздохнул, нарисовал в воздухе знак Дерева, затем взял со стола одну из толстых книг Динивана и опустил ее на голову Мириамель, которая тут же потеряла сознание и соскользнула со стула на застеленный ковром пол. Проклиная себя, Кадрах наклонился, чтобы ее поднять, и замер, услышав в коридоре голоса.

— Ты действительно должен уйти, — сонно проговорил Ликтор. Он сидел, откинувшись на подушки на своей широкой кровати, на коленях лежала открытая книга «Эн семблис эйдонитис». — Я хочу немного почитать перед сном. Тебе необходимо отдохнуть, Диниван. День сегодня выдался трудный для всех нас.

Его секретарь отвернулся от разрисованных панелей на стенах, которые изучал.

— Хорошо, только не читайте слишком долго, Ваше Святейшество.

— Не буду. У меня быстро устают глаза при свете свечей.

Диниван мгновение не сводил с Ликтора взгляда, потом, неожиданно для самого себя, опустился на колени, взял его правую руку и поцеловал кольцо из иленита, которое тот носил.

— Да благословит вас Бог, Ваше Святейшество.

Ранессин посмотрел на него с беспокойством, смешанным с любовью.

— Похоже, ты действительно устал, дорогой друг. Ты очень необычно ведешь себя сегодня.

Диниван встал.

Часть вторая. РУКА БУРИ

— Вы только что отлучили от Церкви Верховного короля, Ваше Святейшество. И это событие сделало прошедший день исключительно необычным, разве не так?

Ликтор отмахнулся от его слов.

— Это ничего не изменит. Король и Прайрат все равно будут делать, что захотят. А люди станут ждать, что произойдет дальше. Элиас не первый правитель, лишившийся расположения Матери Церкви.

— В таком случае почему вы это сделали? Зачем выступили против него?

Ранессин наградил его пронизательным взглядом.

— Тебя послушать, так это не было твоим самым сильным желанием. Ты лучше других знаешь, почему я так поступил: мы не должны молчать, когда зло вылезает на свет, и не важно, есть у нас надежда что-то изменить или нет. — Он закрыл книгу. — По правде, я очень устал и вряд ли смогу читать. Скажи мне честно, Диниван, у нас есть хоть какая-то надежда?

Священник удивленно на него посмотрел.

— Почему вы спрашиваете *меня*, Ваше Святейшество?

— И снова ты демонстрируешь мне свою наивность, сын мой. Я знаю, что имеется множество вещей, которыми ты не обременяешь уставшего старика. Мне также понятно, что для твоей скрытности есть причины. Но скажи мне, учитывая то, что тебе известно, у нас есть надежда?

— Вы научили меня, что надежда есть всегда, Ваше Святейшество.

— Ха! — Ранессин улыбнулся с неожиданно довольным видом и опустил на подушки.

Диниван повернулся к юному служке, который спал в изножье кровати Ликтора.

— Не забудь закрыть на засов дверь, когда я уйду. — Паренек, уже задремавший, кивнул. — И никого не пускай в спальню Его Святейшества сегодня ночью.

— Хорошо, святой отец, не пущу.

— Прекрасно. — Диниван подошел к тяжелой двери и обернулся.

— Спокойной ночи, Ваше Святейшество. Да пребудет с вами Господь.

— И с тобой, — ответил Ранессин из глубины подушек.

Когда Диниван вышел в коридор, служка проковылял к двери, чтобы ее запереть.

Коридор был освещен еще хуже, чем спальня Ликтора. Диниван с беспокойством шурился, пока не увидел четырех стражников, стоявших по стойке «смирно» около окутанной тенями стены, мечи в ножнах на боку, пики зажаты в руках в латных рукавицах. Он с облегчением выдохнул и направился в их сторону по длинному коридору с высоким сводчатым потолком, размышляя, не стоит ли призвать еще четверых. Он знал, что не перестанет беспокоиться за безопасность Ликтора, пока Прайрат не отправится обратно в Хейхолт, а предатель Бенигарис — в свой герцогский дворец.

Диниван потер глаза, направляясь к стражникам. Он действительно очень устал, будто его выжали, как кусок тряпки, и повесили на веревку сушиться. Он решил зайти в свой кабинет и забрать оттуда кое-что, а потом отправиться спать. До утренней службы осталось всего несколько часов...

— Эй, капитан, — обратился он к стражнику, на шлеме которого увидел белое перо. — Думаю, тебе стоит позвать... позвать... — Диниван не договорил и удивленно уставился на солдата. Его глаза блестели, словно булавки в глубине шлема, но были направлены куда-то за спи-

Часть вторая. РУКА БУРИ

ну Динивана, как и глаза его товарищей. Все четверо не шевелились, точно превратились в статуи. — Капитан? — Диниван прикоснулся к руке стражника и обнаружил, что она стала жесткой, как камень. — Именем Усириса Эйдона, — пробормотал Диниван, — что здесь произошло?

— Они тебя не видят и не слышат, — раздался знакомый скрипучий голос. Диниван резко повернулся и увидел алую вспышку в конце коридора.

— Дьявол! Что ты сделал?

— Они спят. — Прайрат рассмеялся. — А утром ничего не вспомнят. Как злодеям удалось проскользнуть мимо них и убить Ликтора, будет загадкой для всех. Возможно, кое-кто посчитает, например Огненные танцоры, что произошло нечто вроде... *черного чуда*.

Ядовитый страх, мешавшийся с гневом, начал подниматься вверх из желудка Динивана.

— *Ты не причинишь вреда Ликтору.*

— И кто меня остановит? Ты? — презрительно рассмеялся Прайрат. — Ты можешь попробовать все, что захочешь, человечек. Кричи, если пожелаешь, — никто не услышит ничего из того, что произойдет в этом коридоре, пока я отсюда не уйду.

— В таком случае я сам тебя остановлю. — Диниван достал из-под своего одеяния и выставил перед собой Дерево, висевшее на цепочке у него на шее.

— О, Диниван, ты выбрал не то призвание. — Алхимик сделал шаг вперед, и свет факела озарил его лысую голову. — Вместо того чтобы стать секретарем Ликтора, тебе следовало выступать в роли личного шута Бога. Ты не можешь мне помешать. Ты даже не представляешь, какую мудрость я обрел и какие силы мне подчиняются.

Диниван даже не пошевелился, когда Прайрат начал к нему приближаться, и стук его сапог эхом пронесся по коридору.

— Если ты считаешь, что, продав свою бессмертную душу за гроши, ты поступил мудро, я счастлив, что этого у меня нет. — Он чувствовал, что страх набирает силу, и старался говорить так, чтобы не дрожал голос.

Змеиная улыбка Прайрата стала еще шире.

— Это твоя ошибка — твоя и робких дураков, которые называют себя Хранителями манускрипта. Орден манускрипта! Собирающая сплетни компания ноющих, жалких ничтожеств, претендующих на звание ученых. А ты, Диниван, хуже всех. Ты продал *свою* душу за предрассудки и пустые заверения. Вместо того чтобы раскрыть глаза и увидеть тайны бесконечности, ты спрятался среди ползающих на коленях и целующих кольцо служителей церкви.

Динивана наполнила ярость, моментально прогнавшая страх.

— *Отойди!* — крикнул он, выставив перед собой Дерево, которое, казалось, вдруг ослепительно засияло, как будто само дерево начало гореть. — Ты не сделаешь больше ни шага, слуга гнусных господ, если только не убьешь меня сначала.

Глаза Прайрата широко раскрылись в наигранном удивлении.

— Ого! Оказывается, у маленького монаха есть зубы! Что ж, будем играть по твоим правилам... и я покажу тебе, что у меня они тоже острые.

Прайрат поднял руки над головой, и его красное одеяние начало развеиваться, словно по коридору промчался порыв ветра. Пламя факелов будто ожило, а в следующее мгновение погасло.

Часть вторая. РУКА БУРИ

— И запомни... — прошипел Прайрат из темноты. — Я теперь владею Словами Изменения! *И никому не служу!*

Дерево в руке Динивана вспыхнуло еще ярче, но Прайрат оставался погруженным в тень. Голос алхимика зазвучал громче, он начал скандировать слова на незнакомом языке, от одного звука которого у Динивана заболели уши, а на шее как будто затянулась веревка, причинявшая ему невыносимые страдания.

— Во имя Высшего Бога... — крикнул Диниван, но по мере того как песнопение Прайрата приближалось к кульминации, оно, казалось, разбивало слова его молитвы еще прежде, чем он их произносил. Диниван начал задыхаться. — Именем... — Его голос смолк, а в тенях перед ним заклинание Прайрата превратилось в ворчливую, задыхавшуюся пародию речи, когда алхимик подвергся какой-то мучительной трансформации.

Там, где только что стоял Прайрат, раскачивалась неузнаваемая подвижная тень, которая извивалась, растягивалась в сложные, замысловатые петли, становившиеся все больше и больше, пока они не заслонили собой даже свет звезд, и коридор погрузился в крошечный мрак. Легкие свистели, точно кузнечные мехи, а потом смертоносный, древний холод окутал коридор невидимой стужей.

С криком наполненной ужасом ярости Диниван бросился вперед, пытаясь ударить невидимое чудовище священным Деревом, но обнаружил, что его, точно тряпичную куклу, схватил какой-то массивный и одновременно жутко нереальный отросток. Они принялись сражаться, заблудившись в ледяном мраке. Диниван вскрикнул, когда почувствовал, как нечто начало проникать в его наполненную ужасом сущность, скреблось в голове пылающими пальцами, пытаясь открыть сознание, точно банку

с джемом. Он отбивался изо всех сил, стараясь удержать в метавшихся мыслях образ святого Эйдона, и ему показалось, будто он услышал, что существо, схватившее его, вскрикнуло от боли.

Но тень становилась все более плотной и сильнее сжимала его тело, жуткий, ломавший кости кулак из бесформенной массы и свинца. Кислое, холодное дыхание, подобное кошмарному поцелую, коснулось щеки Динивана.

— Именем Господа Бога... и Ордена... — простонал Диниван.

Животные звуки и жуткое тяжелое дыхание начали затихать, ангелы наполненного болью, обжигающего света проникли в голову Динивана, принялись там танцевать, приглушая мрак, оглушая его своей безмолвной песней.

Кадрах вытащил безвольное тело Мириамель в коридор, на ходу давая клятвы самым разным святым, богам и демонам. В коридоре было темно, только тонкие лучики звездного света проникали сквозь окна у него над головой, но не увидеть скорченное тело священника, похожее на брошенную куклу и лежавшее посреди коридора в нескольких шагах от них, было невозможно. Так же как не услышать крики и визг, доносившиеся из спальни Ликтора в конце коридора, где на полу лежала расколотая тяжелая деревянная дверь.

Шум резко прекратился после того, как прозвучал сдавленный вопль отчаяния, постепенно превратившийся в булькающее шипение. На лице Кадраха появился ужас. Он наклонился, взял принцессу на руки, потом перекинул через плечо и неуклюже согнулся, чтобы подобрать сумку с вещами. Затем он выпрямился и, пока-

Часть вторая. РУКА БУРИ

чиваясь, поплелся прочь от сцены катастрофы в конце коридора, стараясь не упасть.

За углом коридор стал шире, но и здесь не горел ни один факел. Кадраxu показалось, что он видит окутанные теньми фигуры стоявших на посту стражников, неподвижных, точно статуи. В коридоре со сводчатым потолком у него за спиной послышались неторопливые шаги, и Кадрах поспешил вперед, проклиная скользкие плитки пола.

Коридор снова свернул, и они оказались в большом вестибюле перед входом во дворец, но, когда Кадрах собрался пройти под аркой, он налетел на какое-то препятствие, твердое, точно кусок железа, хотя в дверном проеме ничего не видел, только воздух. Оглушенный, потрясенный, он споткнулся и повалился назад, и Мириамель соскользнула с его плеча на твердый пол.

Звук приближавшихся шагов стал громче. Кадрах, охваченный паникой, вытянул перед собой руку и наткнулся на противоестественную стену, невидимое, но жесткое и неподдающееся *ничто*. Оно было прозрачнее хрусталя, и сквозь него Кадрах ясно видел все, даже самые мельчайшие детали освещенной факелами комнаты за диковинным препятствием.

— Прошу тебя, сделай так, чтобы он ее не заполучил, — пробормотал монах и принялся отчаянно водить руками по странной стене, пытаясь найти хоть какую-то щель в невидимом препятствии. — Прошу тебя, пожалуйста!

— Подожди! — прошипел он вдруг. — Думай, идиот, думай!

Он потрянул головой, сделал глубокий вдох, выдохнул и снова набрал в легкие воздух. Потом поднес ладонь к препятствию и тихо произнес одно-единственное

слово. Мимо него промчался порыв холодного воздуха, взметнув гобелены на стенах, и барьер исчез.

Он протащил Мириамель по полу в одну из арок, выходящих из большого зала. Они скрылись из вида как раз в тот момент, когда Прайрат в своем красном одеянии появился в проходе, где мгновение назад находилось непреодолимое препятствие. Вдалеке зазвучали сигналы тревоги.

Красный священник остановился, как будто его удивило отсутствие барьера, однако повернулся и сделал знак рукой в ту сторону, из которой пришел, словно хотел стереть оставшиеся следы созданного им препятствия.

Его голос прогремел, отражаясь от стен во всех направлениях.

— Убийство! — закричал он. — В Дом Бога пробрались убийцы!

Когда эхо его голоса стихло, он мимолетно улыбнулся и направился в сторону апартаментов, которые ему выделили как гостю Ликтора.

Неожиданно ему в голову пришла мысль, он остановился в арочном проходе и, повернувшись, окинул комнату взглядом. Потом еще раз поднял руку и пошевелил пальцами. Один из факелов рассыпался искрами, и в следующее мгновение длинный язык пламени набросился на гобелены, висевшие в ряд на стенах. Древнее плетение вспыхнуло, огонь взметнулся вверх к балкам потолка, а затем начал быстро распространяться от стены к стене. В коридоре за ним разгорались новые пожары.

— Следует уважать предзнаменования, — ухмыляясь, сказал самому себе алхимик, и, радостно посмеиваясь, покинул дворец.

А коридоры Санцеллана Эйдонитиса начал быстро наполнять рокот испуганных и смущенных голосов.

Часть вторая. РУКА БУРИ

Герцог Изгримнур поздравил себя с тем, что предусмотрительно прихватил свечу, в коридоре царил крошечный мрак. Где стража? И почему не горят факелы?

Но что бы тут ни произошло, Санцеллан вокруг него просыпался. Изгримнур услышал, как кто-то громко крикнул про убийство, сердце быстрее забилося у него в груди, и тут же зазвучали громкие голоса, на сей раз дальше. Несколько мгновений он размышлял, не стоит ли вернуться в свою крошечную келью, но потом решил, что, возможно, переполох ему только на руку. Вне зависимости от причины тревоги — а он не сомневался, что это действительно убийство, — он сумеет отыскать секретаря Ликтора, не отвечая на утомительные вопросы стражей Ранессина.

Свеча в деревянном подсвечнике отбрасывала высокие тени на стены вестибюля, а когда шум стал громче и опасность, что его обнаружат, неминуемой, Изгримнур стал искать выход из зала и выбрал один из сводчатых проходов.

Вскоре на втором повороте он оказался в широкой галерее и увидел, что на полу среди кучи порванных штор лежит какой-то человек в сутане, а на него равнодушно взирают вооруженные стражники.

«Может, это статуи? — подумал Изгримнур. — Но, будь я проклят, статуи такими не бывают. Посмотри-ка, один из них наклонился к соседу, как будто что-то шепчет ему на ухо. — Изгримнур посмотрел на невидящие глаза, блестящие внутри шлемов, и почувствовал, как по спине у него пробежал холодок. — Да спасет нас Эйдон. Черная магия, вот что тут произошло».

К своему ужасу, он узнал человека, лежавшего на полу, как только его перевернул. Даже в свете свечи Изгримнур видел, что лицо Динивана посинело, тонкие полоски крови вытекли из ушей и высохли на щеках, точно

красные слезы. А все тело напоминало мешок со сломанными ветками.

— Элизия, Матерь Божья, что здесь произошло? — громко простонал герцог.

Диниван открыл глаза, так напугав герцога, что тот чуть не выпустил голову священника из рук. Взгляд Динивана блуждал несколько мгновений и остановился на Изгримнуре. Возможно, причина была в свече, которую держал в руке герцог, но ему показалось, будто в глазах Динивана вспыхнул странный свет. Впрочем, он знал, что этот свет очень скоро погаснет.

— Ликтор... — выдохнул Диниван, и Изгримнур наклонился поближе к нему. — Позаботьтесь... о... Ликторе.

— Диниван, это я, — сказал он. — Герцог Изгримнур. Я пришел сюда, потому что ищу Мириамель.

— Ликтор, — упрямо повторил священник, его окровавленные губы отчаянно сражались со словами.

Изгримнур выпрямился, продолжая сидеть на полу.

— Хорошо.

Он принялся беспомощно оглядываться по сторонам, чтобы подложить что-то под раненую голову священника, но не нашел ничего подходящего. Тогда он опустил Динивана на пол, встал и прошел до конца коридора. Он уже знал, какая из комнат принадлежала Ликтору — возле нее валялись огромные куски двери, и даже мрамор на дверном проеме был обожжен и осыпался. И еще меньше сомнений вызывала судьба Ликтора Ранессина. Изгримнур окинул взглядом уничтоженную спальню и быстро вернулся в коридор, только сейчас заметив, что стены испачканы кровью, будто нанесенной на них громадной кистью. Изуродованные тела главы Матери Церкви и его юного слуги едва ли походили на человеческие: над ними настолько жестоко поглумились, что даже за-

Часть вторая. РУКА БУРИ

каленное сердце старого солдата Изгримнур дрогнуло при виде такого количества крови.

Когда герцог вернулся к Динивану, он заметил, что в дальнем сводчатом коридоре появились языки пламени, но заставил себя не обращать на них внимания. Он потом решит, как будет отсюда выбираться. Он взял холодную руку Динивана.

— Ликтор мертв. Вы можете помочь мне найти принцессу Мириамель?

Священник несколько мгновений тяжело дышал, и герцог видел, что свет в его глазах постепенно гаснет.

— Она... здесь, — медленно проговорил священник. — Зовут... Малахия. Спросите комнатного слугу. — У него перехватило дыхание, но он почти сразу продолжал: — Увезите ее... в... Кванитупул... «*Чаша Пелитты*». Там... Тиамак.

Глаза Изгримнура наполнились слезами. Этот человек должен был уже умереть. И только стальная воля заставляла его цепляться за жизнь.

— Я ее найду, — пообещал он. — И позабочусь о безопасности принцессы.

Неожиданно Диниван его узнал.

— Передайте Джошуа, — задыхаясь, сказал он, — я боюсь *фальшивых посланников*.

— Что это значит? — спросил Изгримнур, но Диниван молчал, а его свободная рука, точно умирающий паук, медленно ползла по груди, беспомощно касаясь ворота сутаны. Изгримнур осторожно достал Священное Дерево и положил ему на грудь. Однако священник из последних сил покачал головой, снова пытаясь достать что-то из-под своего одеяния. Изгримнур вытащил на свет цепочку с подвеской — золотым свитком и пером. Замок сломался, когда он ее потянул, и цепочка осталась лежать

Скала Прощания. Том 2

на влажных волосах Динивана, похожая на крошечную блестящую змейку.

— Отдайте... Тиамаку, — прохрипел Диниван.

Изгримнур его уже почти не слышал из-за гула голосов и треска пламени в коридоре. Герцог убрал цепочку в карман монашеского одеяния и поднял голову, удивленный неожиданным шевелением поблизости. Один из неподвижных стражей, озаренный пульсировавшим светом пожара, закачался и через мгновение с грохотом повалился вперед на пол, шлем покатился по плиткам, а сам он застонал.

Когда Изгримнур снова посмотрел на Динивана, свет жизни уже погас в глазах священника.

ГЛАВА 16

Бездомные

Темнота в аббатстве была полной, тишину нарушало лишь неровное дыхание Саймона. Затем Скоди снова заговорила, и на этот раз ее голос совсем не походил на сладкий шепот.

— Вставай.

Какая-то сила начала его тянуть, оказывая давление, мягкое, как паутина, но сильное, точно железо. Против его собственной воли у Саймона напряглись мышцы, и он начал сопротивляться. Еще мгновение назад он отчаянно хотел встать, а теперь — изо всех сил старался лежать неподвижно.

— Почему ты со мной сражаешься? — раздраженно спросила Скоди и провела холодной рукой по его груди, потом опустила ее к животу.

Саймон отчаянно дрожал, дернулся, потерял контроль над своими конечностями, и воля девушки сжала его, как кулак. Невероятная и одновременно неосязаемая сила заставила его встать на ноги, и он покачнулся в темноте, пытаясь восстановить равновесие.

— Мы отдадим им меч, — ворковала Скоди. — Черный меч... о, мы получим такие чудесные подарки...

— Где... мои друзья? — прохрипел Саймон.

— Тише, глупыш. Иди во двор.

Саймон побрел через комнату, беспомощно спотыкаясь и налетая на разные препятствия, точно марионетка, которой управляет не слишком умелый кукловод.

— Сюда, — позвала Скоди. Входная дверь аббатства распахнулась на скрипучих петлях, наполнив комнату зловещим красным светом. Скоди стояла в проеме, и ветер развеивал ее светлые волосы. — Иди же, Саймон. Какая ночь! *Дикая* ночь!

Костер во дворе стал еще больше и выше, чем когда Саймон с друзьями сюда пришли. Огромный огненный маяк достигал в высоту покато́й крыши и заливал алым светом потрескавшиеся стены аббатства. Дети Скоди, маленькие и постарше, все до одного бросали в костер самые разные предметы: сломанные стулья, куски мебели, собранный в лесу неподалеку хворост, который окутывал шипящий пар. На самом деле, усердные хранители огня, казалось, швыряли в него все, что им попадалось под руки, — камни, кости животных, старые горшки и осколки цветного стекла из разбитых окон аббатства. Когда языки пламени с ревом взмывали вверх под порывами ветра, в глазах детей отражался его свет и они начинали сиять, словно глаза лисиц.

Саймон, спотыкаясь, вышел во двор, Скоди шагала за ним, не отставая ни на шаг. И тут ночь разорвал жалобный вой, горестный и одинокий. Медленно, точно лежащая на солнце черепаха, Саймон повернул голову в сторону зеленоглазой тени, сидевшей на вершине холма, нависшего над поляной. Когда волчица подняла морду

Часть вторая. РУКА БУРИ

и снова завывла, Саймон почувствовал, что его наполняет надежда.

— Кантака! — позвал он, и ее имя как-то странно прозвучало, слетев с непослушных губ.

Волчица не стала приближаться, оставаясь на вершине холма, снова завывла, и в ее голосе Саймон услышал страх и отчаяние, как будто она сказала ему об этом на человеческом языке.

— Мерзкое животное, — с отвращением заявила Скоди. — Они поедают детей и кричат на луну. Эта тварь не сумеет подойти к дому Скоди, ей не по силам разрушить заклинание.

Она посмотрела тяжелым взглядом в глаза волчице, и лай Кантаки превратился в стон боли. А еще через мгновение она повернулась и скрылась из вида. Саймон выругался про себя и снова попытался высвободиться, но по-прежнему оставался слабым, как новорожденный котенок, которого сильная рука держит за шкуру. Ему принадлежала только голова, но каждое движение давалось с огромным трудом. Он медленно повернулся в поисках Бинабика и Слудига и замер, широко раскрыв глаза от ужаса.

Он увидел две кучи бесформенного тряпья, одну большую, а другую поменьше на замерзшей земле у стены со сгнившей штукатуркой перед входом в аббатство. Саймон почувствовал, как слезы на его щеках превратились в жалящие льдинки, когда что-то заставило его повернуть голову обратно и сделать еще один послушный шаг к костру.

— Подожди, — сказала Скоди. Ее огромная ночная рубашка хлопала на ветру, и Саймон заметил, что она бо-сиком. — Я не хочу, чтобы ты оказался слишком близко.

Ты можешь обгореть и испортиться. Встань вон там. — Она махнула пухлой рукой на место в нескольких шагах от нее. Как будто он стал продолжением ее руки, Саймон вдруг понял, что неуверенно шлепает по растаявшей земле в ту сторону, которую Сходи указала. — Врен! — крикнула Сходи, которая, казалось, находилась в маниакально прекрасном настроении. — Где веревка? Ты куда подевался, Врен?

Темноволосый мальчишка выскочил из двери аббатства.

— Держи, Сходи.

— Свяжи его хорошенькие запястья.

Врен бросился вперед, скользя по замерзшей земле, схватил безжизненные руки Саймона, заломил их за спину и старательно связал длинной веревкой.

— Почему ты это делаешь, Врен? — задохнувшись, спросил Саймон. — Мы же были добры к тебе.

Хирка проигнорировал его вопрос, только сильнее затянул узлы, а когда закончил, положил маленькие руки Саймону на бедра и толкнул его туда, где лежали, скорчившись, Бинабик и Слудиг.

Как и у Саймона, у обоих руки были связаны за спиной. Бинабик открыл глаза, посмотрел на Саймона, и его белки сверкнули в тени. Слудиг дышал, но был без сознания, на светлой бороде замерзла струйка слюны.

— Друг Саймон, — прохрипел Бинабик, с трудом выговаривая каждое слово, потом сделал вдох, как будто собрался еще что-то сказать, но вместо этого замолчал.

Сходи наклонилась посреди двора и принялась рисовать круг на растаявшем снегу, посыпая его красноватым порошком, зажатым в кулаке. Закончив, она стала выводить руны на мягкой земле, высунув кончик языка, точно старательный ребенок. Врен стоял в нескольких шагах

Часть вторая. РУКА БУРИ

от Скоди и переводил взгляд с нее на Саймона и обратно, и на его лице застыла животная настороженность.

Дети, закончившие подкармливать костер, сгруппировались возле стены аббатства. Одна из самых маленьких девочек села на землю в своей тоненькой тунике и начала тихонько всхлипывать; мальчик постарше небрежно погладил ее по голове, как будто хотел успокоить. Все дети заворожено наблюдали за движениями Скоди. Ветер превратил огонь в огромный, будто живой, столб огня, раскрасившего их серьезные маленькие лица в ярко-красный цвет.

— Ну, и где Хонса? — крикнула Скоди, которая выпрямилась и попыталась закутаться поплотнее в ночную рубашку. — Хонса!

— Я ее приведу, Скоди, — вызвался Врен и скрылся в тених возле угла аббатства, но уже в следующее мгновение появился снова с черноволосой девочкой хирка на год или два старше его самого.

Они несли вдвоем тяжелую корзину, которая то и дело ударялась о неровную землю, потом поставили ее возле распухших ног Скоди и быстро отошли к остальным детям. Врен тут же присел на корточки перед маленькой группой, достал из-за пояса нож и принялся нервно кромсать торчавший из мотка конец веревки. Саймон даже издалека чувствовал напряжение мальчика и рассеянно подумал, что не понимает причины.

Скоди засунула руку в корзину и достала оттуда череп, челюсть которого держалась лишь на нескольких кусках высохшей плоти, и казалось, будто безглазое лицо раскрыло от удивления рот. Тут только Саймон увидел, что огромная корзина до верха наполнена черепами, и неожиданно понял, что произошло с родителями детей, и его онемевшее тело невольно содрогнулось, но он

ощутил это движение смутно, как будто его сделал тот, кто находился на некотором расстоянии от него. Рядом черноглазый Врен, задумчиво нахмурившись, продолжал резать веревку. С замиранием сердца Саймон вспомнил, как Скоди сказала, что кроме других обязанностей Врен разделяет и готовит для нее еду.

Скоди выставила перед собой череп, и ее диковинно привлекательное лицо стало полностью сосредоточенным — так ученый изучает таблицы с формулами из высшей математики. Она раскачивалась из стороны в сторону, точно лодка в штормовом море, а ветер трепал ее ночную рубашку, и вдруг она запела высоким детским голосом:

В яме, в яме

*... В яме в поле, где крот с мокрым носом
поет песню холодного камня и земли, и серых костей,
тихую песенку холода и темной длинной ночи,
и копает глубоко, глубоко, где ползают белые черви
и спят мертвецы, глаза которых забиты землей,
где жуки откладывают маленькие белые яйца
и их хрупкие черные лапки скребут, скребут, скребут,
а мрак, как капюшон, накрывает всех, всех,
прячет их позор и имена,
имена мертвых, все ушли, бежали,
пустые ветра, пустые головы,
а наверху травой заросли камни, поля заброшены и опустели,
все ушло, что знали они,
и вот они плачут в глубине, стонут во сне,
у них нет глаз, но они плачут, призывая то, что утеряно,
в темноте они мечутся подо мхом и сорняками
в своих могилах, ни господа и ни рабы,
они лишились лиц и славы, стремления к знаниям и своих имен,
и все же они очень хотят вернуться и смотрят сквозь щели
и трещины*

Часть вторая. РУКА БУРИ

*на тусклое солнце наверху и проклинают жестокую любовь
и мир, лишенный жизни, подумай о тревогах и борьбе
ушедший ребенок или жена,
заботы, что их сжигали, ужасные уроки, что остались невыу-
ченными,
и все же они мечтают вернуться, вернуться, вернуться.*

Вернуться!

В дыре в земле, под холмами

Где кожа, кости и кровь превращаются в мягкую грязь

И гниющий мир поет...

Песнь Скоди продолжалась, словно была бесконечной, по кругу, вниз, точно черный водоворот в заросшем и забытом пруду. Саймон почувствовал, что тонет вместе с ней, его тащит за собой ее настойчивый ритм, и вскоре пламя костра, и обнаженные звезды, и сияющие глаза детей соединились в полосы света, а его сердце по спирали начало погружаться в темноту, сознание больше не ощущало связи ни с плененным телом, ни с действиями тех, кто его окружал. Шипение дурацкого шума наполнило его мысли. Смутные тени двигались по заснеженному двору, незначительные, как муравьи.

И тут одна из теней взяла в руку какой-то круглый бледный предмет и швырнула его в костер, а следом за ним горсть порошка, в небо потянулись пальцы малинового дыма, и Саймон больше ничего не видел. Когда дым рассеялся, костер горел, как прежде, но двор окутал тяжелый мрак. Красный свет, заливавший все строения, потускнел, словно старый закат в умирающем мире. Ветер прекратил дуть, но по земле аббатства пополз страшный холод, и, хотя тело практически больше Саймону не принадлежало, он почувствовал, как жуткая стужа проникает в его кости.

— Приди ко мне, леди Серебряная Маска! — крикнула самая большая фигура. — Говори со мной, лорд Красные глаза! Я хочу с вами обменяться. У меня есть красивая вещичка, которая вам понравится!

Ветер не вернулся, но костер начал раскачиваться из стороны в сторону, разбухая и содрогаясь, точно огромное животное, которое пытается выбраться из мешка. Холод стал еще сильнее, звезды потускнели, и в языках пламени появился темный рот и два черных пустых глаза.

— У меня для вас подарок! — ликующе крикнул кто-то большой, и Саймон, сознание которого ускользало, вспомнил, что ее зовут Скоди.

Некоторые дети плакали, но их голоса звучали приглушенно, несмотря на необычную тишину и застывший воздух.

Лицо в огне исказилось, и из распахнутого черного рта вырвался глухой, сердитый рев, медленный и глубокий, точно скрип горных корней. Если в нем и были какие-то слова, различить их не представлялось возможным. А через мгновение черты начали мерцать и рассеиваться.

— Останься! — крикнула Скоди. — Почему ты уходишь? — Она принялась дико озираться, размахивая руками, и восторг покинул ее лицо. — Меч! — завопила она, повернувшись к детям. — Прекратите реветь, тупые овцы! Где меч? Врен!

— Внутри, Скоди, — ответил мальчик.

Он держал на коленях одного из младших детей. Несмотря на диковинное ощущение дезориентации — или благодаря ему — Саймон не мог не обратить внимания на худые обнаженные руки Врена под оборванной курткой.

Часть вторая. РУКА БУРИ

— Так принеси его, придурок! — выкрикнула Скости, подпрыгивая на месте от охватившей ее дикой ярости. Лицо в языках пламени уже почти исчезло. — Неси сюда!

Врен вскочил, малыш соскользнул с его колен на землю, и его плач влился в общую какофонию. Врен вошел в дом, а Скости снова повернулась к ревущему пламени.

— Вернись, вернись ко мне, — умоляла она исчезавшее лицо. — У меня есть подарок для моего Лорда и моей Леди.

Саймон почувствовал, что хватка Скости слегка ослабла и он снова возвращается в свое тело — диковинное ощущение, будто он надевал плащ из мягких, щекочущих перьев.

Врен появился в дверях, и на его бледном лице застыло серьезное выражение.

— Слишком тяжелый, — крикнул он. — Хонса, Эндэ и остальные, идите сюда! Помогите мне!

Несколько детей подползли по снегу к двери аббатства, постоянно оглядываясь на ревущее пламя и размахивавшую руками Скости, и, точно строй испуганных гусей, отправились за Вреном в темноту.

Скости снова посмотрела безумными глазами на Саймона.

— Это же *твой* меч! — Лицо исчезло из пламени костра, но звезды, бледные, словно льдинки, по-прежнему едва заметно светили на небе, а огонь в костре продолжал танцевать и метаться, неподвластный ветру. — Ты знаешь, как его взять, знаешь ведь? — Ее взгляд был почти невыносимым.

Саймон промолчал, изо всех сил внутренне сражаясь с языком, который норовил начать что-то лопотать, точно он превратился в бессмысленного пьяницу, гото-

вого открыть этим жутким глазам все мысли, что у него имелись.

— Я *должна* отдать им меч, — зашипела Скости. — Они его ищут, я знаю! Так мне сказали мои сны. Лорд и Леди сделают меня... *сильной*. — Она начала смеяться, пронзительно, как девчонка, и этот звук напугал Саймона не меньше, чем все остальное, что с ним произошло после захода солнца. — О, красавчик Саймон, — хихикала она, — какая дикая ночь! Принеси мне свой черный меч. — Она повернулась и крикнула в пустой дверной проем: — Врен! Иди сюда, развяжи ему руки!

Врен выскочил наружу, сердито хмурясь.

— Нет! — закричал он. — Он плохой! Он убежит! *Он тебя обидит!*

Лицо Скости превратилось в злую маску.

— Делай, что я говорю, Врен. Развяжи его.

Мальчишка, охваченный яростью, бросился вперед, и Саймон заметил у него на глазах слезы. В следующее мгновение он грубо схватил Саймона за руки, засунул нож между веревками и, задыхаясь, начал их пилить. Когда путы Саймона упали на землю, хирка повернулся и бросился назад, в аббатство.

Саймон встал и принялся медленно растирать запястья, думая о том, что может просто убежать. Скости стояла к нему спиной и умоляюще что-то лопотала, обращаясь к костру. Краем глаза он посмотрел на Бинабика и Слудига, риммер по-прежнему не шевелился, но троль пытался снять веревки.

— Возьми... возьми меч и беги, друг Саймон! — прошептал Бинабик. — Мы спасемся... как-нибудь...

Голос Скости разорвал темноту ночи.

— Меч!

Часть вторая. РУКА БУРИ

Саймон почувствовал, что он беспомощно отворачивается от своего друга, не в силах сопротивляться воле Скоди, и зашагал в сторону аббатства, как будто его толкала невидимая рука.

Внутри дети столпились у темного угла камина и безрезультатно пытались сдвинуть Шип с места. Врен еще больше помрачнел, когда появился Саймон, но уступил ему дорогу. Саймон опустился на колени перед жестким, неровным свертком из тряпок и шкур и развернул меч, чувствуя, что руки у него стали совсем неуклюжими.

Когда он ухватился за рукоять, обернутую веревками, огонь костра проник внутрь через дверь и раскрасил черную поверхность меча яркими красными полосами. Меч задрожал в руке Саймона, удивив его неожиданным и новым ощущением, почти похожим на голод или предвкушение. Впервые за все время Саймон почувствовал, что Шип — это нечто невероятно и отвратительно чуждое, но не мог ни выпустить его из рук, ни бежать. Он поднял меч. Клинок не показался ему невыносимо тяжелым, как бывало иногда, но обладал диковинным весом, словно Саймону пришлось вытаскивать его из ила со дна пруда.

Он почувствовал, что необъяснимая сила толкает его к двери. Каким-то непостижимым образом, хотя Скоди его не видела, она по-прежнему могла заставлять его двигаться, точно соломенную куклу. Он позволил ей вывести себя на залитый алым светом двор.

— Иди сюда, Саймон, — позвала она, широко расставив руки, словно любящая мать, когда он вышел из двери. — Иди сюда, встань со мной рядом.

— У него меч! — закричал с порога Врен. — Он тебя обидит!

Скоди пренебрежительно рассмеялась.

— Ничего он не сделает. Скоди слишком сильная. Кроме того, он мой новый любимчик. И я ему нравлюсь, так ведь? — Она протянула к Саймону руку, и он почувствовал, что Шип до предела наполняет жуткая, медлительная жизнь. — Только не разрывай круг, — весело сказала она, как будто они во что-то играли, потом схватила Саймона за руку и потянула к себе, помогая поднять неуклюжую ногу и перешагнуть через круг из красной пыли. — Теперь они смогут увидеть меч!

Скоди триумфально сияла, потом положила розовую пухлую руку поверх его рук, крепко сжимавших рукоять Шипа, другую обвила вокруг его шеи и прижала Саймона к огромной груди и животу. Жар от костра размягчил его, как воск, огромное тело Скоди душило, точно в лихорадочном сне. Саймон был на голову ее выше, но не мог сопротивляться, словно превратился в младенца. Что она за ведьма такая?

Раскачиваясь из стороны в сторону, но не выпуская его, Скоди принялась выкрикивать слова на риммерспаке, и в пламени костра снова начали появляться черты жуткого лица. Сквозь слезы, выступившие на глазах из-за жара огня, Саймон увидел шевелившийся черный рот, который открывался и закрывался, точно у акулы, и его окутало ощущение жуткого холодного присутствия — оно изучало их, принохивалось с терпением хищника.

Неожиданно раздался громоподобный голос, и на сей раз Саймон различил слова в переплетении звуков, незнакомые и чужие, от которых у него заболели зубы.

Скоди вскрикнула от возбуждения.

— Это один из высших слуг лорда Красные глаза, как я и надеялась! Смотрите, господин, смотрите! Подарок, который вы хотели получить! — Она заставила Саймона

Часть вторая. РУКА БУРИ

поднять меч и взволнованно уставилась на тень, двигавшуюся в пламени, когда та снова заговорила. — Он меня не понимает, — прошептала Скости, прижимаясь губами к шее Саймона с уверенностью давнишней любовницы. — Он не может найти правильную дорогу. Я этого боялась. Моих заклинаний недостаточно. Скости придется сделать кое-что, чего она не хотела. — Она отвернулась от костра. — Врен! Нам нужна кровь! Возьми чашу и принеси мне кровь высокого.

Саймон попытался кричать и не смог. От жара внутри круга тонкие волосы Скости окутывали ее лицо, точно клочья бледного дыма. Глаза стали холодными и какими-то нечеловеческими, точно осколки кувшина. — Кровь, Врен!

Мальчик стоял над Слудигом, держа в одной руке глиняную миску и приставив к шее риммера нож, казавшийся огромным в его маленьких пальцах. Не обращая внимания на Бинабика, который извивался на земле рядом с ним, Врен повернулся к Скости.

— Все правильно, большого, — крикнула Скости. — Я хочу оставить себе маленького! Поторопись, Врен, тупой придурок, мне нужна кровь для костра. Немедленно! Иначе посланник уйдет!

Врен поднял нож.

— И носи ее осторожно! — снова закричала Скости. — Ты не должен пролить ни капли внутри круга. Ты же знаешь, что малыши вылезают наружу, когда звучат заклинания, и какие они голодные.

Мальчик хирка неожиданно резко развернулся и медленно направился в сторону Скости и Саймона, а его лицо исказилось от ярости и страха.

— Нет! — взвизгнул он, и на мгновение у Саймона появилась надежда, что мальчишка собрался напасть на

Скоди. — Нет! — снова завопил Врен, размахивая ножом и не обращая внимания на слезы, которые текли по его щекам. — Зачем они тебе? Зачем тебе *он*? — Врен замахнулся ножом на Саймона. — Он слишком старый, Скоди! Он плохой! Не такой, как я!

— Ты что такое творишь, Врен? — Скоди испуганно прищурилась, когда Врен прыгнул вперед, в сторону круга, и нож в его руке, от которого отражался алый свет костра, взлетел вверх.

Саймон почувствовал обжигающую боль в мышцах, когда попытался увернуться от ножа Врена, но его держала на месте каменная рука. Пот заливал глаза.

— *Он* не может тебе нравиться, — визжал Врен.

С хриплым криком Саймон сумел сдвинуться в сторону настолько, что нож, направленный в ребра, не достиг цели, но оставил на спине след холодной серебристой боли. Нечто в пламени костра взревело, точно разъяренный бык, а потом Саймона окутал мрак, погасивший звезды.

Эoleyр оставил ее на мгновение одну, а сам вернулся через огромную дверь назад, чтобы взять еще одну лампу.

Пока Мегвин, охваченная ликованием, ждала возвращения графа Над-Муллаха, она разглядывала каменные строения в пещере внизу и чувствовала, что с ее плеч свалился огромный груз. Вот он, город ситхи, древних союзников эрнистирийцев. Она его нашла! В какой-то момент Мегвин начала думать, что Эoleyр и все остальные правы и она сошла с ума, и вот теперь она смотрит на творение могущественных ситхи.

Все началось с беспокойных снов, которые и без того были темными и хаотичными, наполненными страда-